

Сергей Шаповалов

Дорогами Илархов

книга первая
Великая степь

12+

Сергей Шаповалов

**Дорогами илархов. Книга
первая. Великая степь**

«Автор»

2020

Шаповалов С. А.

Дорогами илархов. Книга первая. Великая степь /
С. А. Шаповалов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99712-7

Перед вами захватывающий исторический роман о великом Персидском походе Александра Великого. Но не он главный герой романа. Герои – простые воины: честные, бесстрашные, знающие цену настоящей дружбы, которую невозможно измерить золотом. Их ждут опасные приключения. Судьба порой ставит их перед жестоким выбором. Но настоящие ксаи всегда выходят из битвы победителями.

ISBN 978-5-532-99712-7

© Шаповалов С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Дорога первая	8
Набег роксоланов	8
Дорога вторая	49
Курган киммерийцев	49
Спитамен	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Шаповалов

Дорогами илархов. Книга первая. Великая степь

Пролог

...Я закончил успешно школу и пытался поступить в Ленинградский Государственный Университет на факультет истории. Наверное, год был неудачным. Не нравятся мне круглые года, а этот как раз оказался – восьмидесятый. В общем – баллов недобрал.

Отец сочувственно похлопал меня по плечу и успокоил:

– Не переживай. Через два года поступишь. А пока учишь сапоги чистить, да портянки наворачивать. Не хватает мозгов – значит надо Родину защищать.

Перспектива скорой армейской службы меня совсем не радовала. Сунулся на вечернее отделение. Зачем? Наверное, чтобы совсем не разувериться в себе. Поступил, чему ужасно обрадовался. Поступить-то, поступил, но повестка все же пришла. Поутру ожидала меня серой бумажкой с кривым размашистым подчерком и строгой прямоугольной печатью. Притаилась в почтовом ящике, как голодная змея.

Оценив моё тело на предмет физической мощи, меня направили в стройбат. Ну, что ж, лопата, так – лопата. Тоже – оружие.

Я попал служить на Кавказ, угодил прямо в чудное курортное местечко рядом с Кисловодском. Служил, как и все служили – разное бывало, что об этом рассказывать. Но вот какой странный случай произошёл под самый дембель.

Мы производили земляные работы вблизи небольшого карачаевского городка Учккен. В этом городке находится трикотажная фабрика. Руководство решило расширять производственные мощности. Начали со строительства нового склада. Нас пригнали расчищать площадку под фундамент. Почва скальная. Ковш экскаватора вечно наткался на пласты песчаника. Приходилось местами работать отбойными молотками.

Вдруг жало моего молотка нырнуло в щель между камнями и застряло намертво. Когда мы попытались ломом освободить жало, то приподняли каменную плиту. Под плитой зияла чёрная, загадочная пустота.

– Все! Кончай работу! Не трогай! – закричал наш водитель экскаватора. Он был из местных, и объяснил нам, что мы наткнулись на старинное захоронение.

Вскоре примчался милицейский уазик. Из машины вылез начальник отдела Мусса Текевич, а с ним директор краеведческого музея Кисловодска, бородатый толстенький мужчина в очках.

Плиту очень осторожно сдвинули. Внизу оказалась неглубокая квадратная яма, наполовину засыпанная песком.

– И стоило поднимать шум? – недовольно пробурчал начальник отдела милиции. – Эй, боец, – поманил он меня. – Спустишь, посмотри, что там внизу.

Я спрыгнул в яму. Глубина небольшая, около полутора метра. Что-то ощутил под ногой. Нагнулся и извлёк из слежавшейся пыли кусок ржавого металла, длиной сантиметров шестьдесят. Подумал, что это труба старая или еще что...

– Немедленно дай сюда! – закричал испуганно директор краеведческого музея и потянулся ко мне, чуть в яму не свалился.

Я передал ему осыпавшийся кусок ржавого металла. Он схватил его, бережно уложил на камни.

– Что это? – нагнулся вместе с ним начальник отделения милиции.

– Копис, – благоговейно произнес директор музея, – как будто я нашёл давно утерянную лампу Алладина.

– И что? – не понял начальник милиции.

– Ну, как что? Как это – что? – возмутился директор музея. – Захоронение Кобанского периода¹. Сенсация!

Что в этом куске ржавчины было сенсационного, никто поначалу и не понял. Стройку на время прекратили, а нас заставили охранять «бесценную яму». Вскоре прибыли археологи из Черкесска. Из-под слоя земли на дне ямы они извлекли два скелета. Как объяснил старший из группы: скелеты мужчины и женщины. Но самое удивительное нашли потом: множество наконечников стрел, всевозможные украшения, небольшие керамические сосуды с ручками в виде причудливых зверей. А в ногах человеческих останков лежали кости большой собаки.

Вечером, после раскопок старший археолог, доктор наук, Аскер Ибрагимов, до сих пор его помню, рассказывал нам за чаем, о далёких временах, когда здесь на Кавказе, жили дикие, свободолюбивые горцы, предки нынешних народов. Мы слушали его, раскрыв рты, до того он захватывающе рассказывал. Да еще ночи в горах тёмные. Костер едва разгонял темноту вокруг нас. Закопчённый старый чайник шипел над углями. А чай какой вкусный с кусковым сахаром, крепкий.

Вдруг в самый интересный момент рассказа к нашему костру подошел старик, а с ним белая коза. Ничего в нем не было приметного. На вид – лет семьдесят. Годы скрючили его спину, но движения были резкими, свободными. Одет он был, как большинство местных стариков: шляпа с выцветшими полями, зелёная армейская рубашка, старенький пиджачок неопределённо-серого цвета, галифе с генеральскими лампасами и яловые сапоги. А лицо никак не разобрать: горбатый нос торчал из лохматой бороды.

– Салам, труженики, – поздоровался он.

– Здравствуйте, – ответили мы.

Старик оглядел яму, увидел кости и тяжело вздохнул:

– Эх! Вот, вы же хорошие люди. А зачем спящих тревожите?

– Как это – зачем? – удивился Аскер Ибрагимов. – Ты, садись, отец. Чайку попей. Тут склад будут строить. Понимаешь? А могилам не место.

– И куда вы их перезахороните?

– Отвезём в Черкесск, в институт. Будем изучать. Надо же узнать: кто они были.

– Люди они были, – недовольно прервал его старик. – Хорошие люди. Труженики.

– Труженики, говоришь? Почему же в погребении столько оружия?

– Время такое было, – просто объяснил карачай, присаживаясь на корточки. – Забирали бы вы все оружие, да украшения, а косточки бы не трогали.

– У нас другой порядок, – терпеливо объяснял ему Мусса Ибрагимов. – Вот, мы акинак нашли странной формы, – указал он на тот кусок истлевшего металла, который я нашёл. – Не у каждого воина такой имелся. Вывод – не простые это пастухи.

– Эх, учёный, – покачал головой старик. – Вот, ты много знаешь, книжек прочитал, целый шкаф, наверное, а акинак² от кописа³ отличить не можешь.

¹ Кобанская культура – археологическая культура на Кавказе в периоды бронзового (XIII/XII – IV вв. до н. э.) и железного веков (VII – III вв. до н. э.). Представители культуры проживали от верховий реки Кубань и до территорий современного Дагестана, область сосредоточения поселений находилась в центральной части региона, по обе стороны от Большого Кавказского хребта. Антропологические носители – автохтонные представители кавказского типа, вероятно, основные предки вайнахов (бацбийцев, ингушей, чеченцев) и важный компонент в этногенезе балкарцев, карачаевцев, осетин

² Акинак (др.-греч. ἀκινάκης) – короткий (40–60 см) железный меч, применявшийся скифами во второй половине I-го тысячелетия до н. э. Помимо скифов, акинаки использовали также племена персов, саков, аргипеев и массагетов.

³ Копис (греч. κόλις) – изогнутый вперед меч с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенный в первую очередь для рубящих ударов. По-гречески κόπτω означает «рубить, отсекать».

Мусса Ибрагимов чуть не подавился чаем.

– Ох, отец, – с интересом взглянул он на старика. – А как ты это определил. Что еще ты можешь сказать?

– А что ты хочешь услышать? Знал бы ты, чья рука держала этот меч... Ай. Что с тобой впустую болтать, – махнул рукой старик и поднялся. – Пошли, Артемида, – позвал он свою белую козу, пожаловался ей: – До чего же люди невеждами стали...

– Странный какой-то дедок, – пожал плечами Мусса Ибрагимов, допивая чай.

Археолог ушёл, а мы остались охранять место раскопок. Дежурили по очереди. Да от кого тут охранять?

Ночью опять пришёл старик с козой. Сел молча у костра и долго глядел на кости в яме. Сидел неподвижно. Я уже начал думать, что он заснул. Но старик вдруг произнес:

– Хочешь, расскажу одну историю, солдат?

– Расскажи, – заинтересовался я. – А о чем?

– О чем все истории? О жизни. Слушай...

Наутро случилось ЧП. У нас украли останки. Унесли только два скелета людей и скелет собаки, больше ничего не тронули. Аскер Ибрагимов был вне себя от гнева. Начальник милиции его успокаивал, как мог, обещал в ближайшее время найти преступников.

– Да что их искать? – кричал старший археолог. – Дедок украл. Тот, сумасшедший, что ночью к нам приходил.

– Какой дедок?

– Обыкновенный, с козой, в сапогах, в шляпе...

– Да у нас тут все ходят в сапогах и в шляпе...

– Коза у него была белая.

– Да тут коз в каждом дворе... Как звать его?

– Уархаг, вроде, – вспомнил я.

– Вова, – позвал он своего водителя, молодого сержанта. – Ты не знаешь, у кого старик живёт по имени Уархаг?

– Не знаю, – пожал плечами Вова. – Имя не карачаевское. Может, он из Армян?

– Не беспокойся, уважаемый Аскер, найдём, – заверял Мусса Текеевич начальника археологической партии.

Но не нашли. Исчез бесследно дедок.

Я давно забыл про этот случай. Но, спустя много лет, вдруг старик приснился мне, все тот же: в шляпе, в сапогах яловых, и спрашивает:

– Ты рассказ мой помнишь, сынок?

Дорога первая По Великой степи

Набег роксоланов

Репейник вскинул мохнатую морду. Настороженно принюхался. Утробно зарычал и вскочил на лапы. Грязно-коричневая шерсть на холке вздыбилась. Пес пристально уставился куда-то в темноту. Рычание его становилось все злее и громче.

Исмен очнулся от дремоты.

– Кого учуял? – спросил мальчик, прислушиваясь к тишине уходящей ночи. На востоке небо уже подкрашивалось бледной синевой. Звезды тускнели. Но земля еще лежала под покрывалом мрака, источая сырую прохладу сгинувшей недавней зимы.

Пес кинулся с лаем на невидимого врага и пропал за кругом света, падавшего от едва тлеющего костра.

– Репейник, стой! – крикнул Исмен вдогонку. Куда там!

Волки! – подумал мальчик. Рука сама потянулась к ножу. Пальцы ощупали деревянные ножны, привязанные к правому бедру двумя кожаными ремешками, коснулись костяной гладкой рукояти. Если стая большая, ему с Репейником вдвоем не справиться. Вчера крутились серые разбойники возле табуна. Исмен отгонял их, меча камни с пращи. Репейник сцепился с молодым волчонком, неосторожно подошедшим к лошадям, и хорошенько подрал его. Пес из потомственных волкодавов, сильный – умеет зверя одолеть. Неужели на рассвете волки решили жеребенка отбить от табуна. Но лошади почему-то не встревожились. Так же продолжали спокойно пастись. Уж лошади-то волков бы учуяли, взволновались бы. Значит, это не волки, – люди. Люди в степи бывают хуже зверей. Репейник поднял отчаянный хриплый лай.

– Пошел! – крикнул кто-то на него из темноты.

Исмен почувствовал, как земля содрогается под топотом копыт. Прямо на него вылетели пять всадников. Все на крепких взмокших конях. В руках короткие копыя. За плечами гориты полные стрел. Их возглавлял ксай⁴ в медном остроконечном шлеме и дорогих доспехах. Тело защищал кожаный панцирь с нашитыми, словно чешуя, металлическими пластинами. На широком поясе с бронзовыми птицами висел акинак в локоть длиной. Широкие медные ножны украшал тонкий чеканный узор. Длинный черный плащ укрывал спину. Под ксаем горячился рыжий молодой конь – красавец. Грудь широкая, ноги длинные, крепкие. Голову коня защищал шлем из толстой кожи с ветвистыми оленьими рогами.

Остальные четверо – слуги. Одетые попроще: в куртках без рукавов, грубо скроенных из коровьих шкур. Поверх простые нагрудники толстой кожи, украшенные круглыми медными бляхами. Вместо чепраков⁵ – козы шкуры.

Языги⁶, – сразу сообразил Исмен. – С ними надо держаться вежливо, – народ горячий, безжалостный.

– Мальчишка, уйми пса! – недовольно крикнул ксай.

– Репейник, прочь!

Пес поджал хвост и отбежал в сторону, но продолжал глухо рычать.

⁴ Ксай – благородный воин.

⁵ Чепрак – суконная, коврая, меховая подстилка. Использовалась до изобретения седла.

⁶ Языги (язиги) – название одного из кочевых сарматских племён, создавшего племенной союз и расселившегося во II веке до н. э. в Северном Приазовье.

– Ты кто такой? – спросил ксай. Разгоряченный конь так и плясал под ним. Из широких ноздрей вырывался пар.

– Я из клана Луны, племени сираков⁷. Пасу кобылиц, – ответил Исмен.

– Пить дай. Что там у тебя? – потребовал ксай, заметив у костра кособокий кувшин.

Исмен схватил его и подал всаднику. В кувшине было кислое молоко. Исмен сам доил кобылиц, ждал, когда молоко скиснет в плотном кожаном мешке, затем добавлял воду и соль, долго взбивал молоко, колотя по мешку палкой. Всадник брезгливо пригубил. Распробовал. Понравилось. Сделал несколько больших глотков и вернул кувшин Исмену. Тыльной стороной ладони стер белые капли с длинных черных усов и бороды.

– Хорошее молоко. Кто готовил?

– Я.

– Молодец, хорошо взбиваешь, – похвалил его языг. – Люблю кислое молоко.

– Пей еще, – Исмен вновь протянул ему кувшин.

– Некогда. Мы спешим, – отказался всадник. – Тебе не попадался человек... Такой, в рваной одежде, грязный, но на хорошем коне?

– Нет, – мотнул головой Исмен – Я неделю здесь пасу кобылиц. Кроме волков никого в округе не видел.

– Если заметишь, зови старших. Из города Артар сбежал живой-убитый⁸. Его надо скрутить и привести обратно. Понял?

– Да.

– За него дам хорошую награду. От меня, лично, получишь лисью шапку. – Он повернул коня. – А молоко у тебя хорошее. Мои ослепленные невольники так вкусно не умеют готовить.

Всадники умчались в степь. Исмен долго вслушивался в удаляющийся стук копыт. Ксай! Воин! Кому хорошо живется, так это – воинам, – вздохнул Исмен. Пастухи воинов уважают, делают им подарки, просят о защите... Эх, вот, если бы ему стать ксаем... Летел бы по степи на быстром коне так, что ветер свистел в ушах. Никого бы не боялся. На боку акинак, копье у правой ноги к чепраку привязано. За спиной овальный щит из прочных переплетенных прутьев, да еще толстой кожей обтянут. Свобода, сила – что может быть лучше!

Исмен поставил кувшин на место и улегся рядом с костром, устремив мечтательный взгляд на светлеющее небо с исчезающими звездами. Нет, куда ему до воина. Конь нужен. А хороший конь дорого стоит. Доспехи... Где доспехи взять? Оружейники такую цену дерут... Вот, еще – акинак обязательно надо купить, как у дядьки. Щит плетенный из прочных прутьев и обтянутый толстой воловьей кожей. Копье с острым железным наконечником. Обязательно – железным. К бронзовым ксаи с презрением относятся. Тугой лук из кизила с тетивой, скрученной из воловьих жил... Да мало всего этого, – кто его обучать будет воинскому искусству? Как копьем колоть, как на мечах рубиться, с кинжалом обращаться... Кому он нужен! Мальчишка–пастушок в дерюге из конопли. Только и умеет, что за кобылицами смотреть, да молоко взбивать.

Исмен продрог от налетевшего утреннего ветерка. Звезд на небе все меньше и меньше. Виднокрай на востоке светлеет. Скоро солнце встанет... Надо будет кобылиц к реке отвести на водопой... Мальчик плотнее укутался в грубый шерстяной плащ, пропахший костром и конским потом.

Интересно, поймают языги этого живого-убитого? А куда он убежит? Кругом степь. Беглецы обычно к Дону пробираются. Только мало кому удается уйти от погони. А что там за

⁷ Сираки – сарматское племя, кочевавшее в приазовских степях к северу от реки Кубань. До прихода сираков (в IV в до н.э.) эти территории населяли меоты. Восточными соседями сираков были аорсы. О численности сираков свидетельствует тот факт, что в I в. до н.э. они могли выставить для войны 20 тыс. воинов. В начале нашей эры подверглись эллинизации, попав в зависимость от Боспорского царства.

⁸ Живой-убитый – невольник, попавший в плен во время сражения.

Доном – кто ж его знает. Старики рассказывали, за широкой рекой лежит земля сколотов⁹. Сколоты – жестокий народ. К ним в лапы не попадайся, – сразу в раба превратят. Глаза выжгут, и будешь всю жизнь для них молоко взбивать. Сколоты, бывало, и на этот берег переходили. Нападали на становища. Уводили всех: и животину, и людей. Кто защищаться думал – убивали без жалости.

Угли потрескивали. Ветерок слабо шелестел в высокой траве... Исмен задремал...

Репейник опять с лаем кинулся в темноту. Теперь-то он на кого? Звонкий щелчок хлыста, и пес взвыл от боли.

– Гони лошадей к реке!

Исмен очнулся и вскочил на ноги. Сон как водой смыло. Конокрады! Табун снялся с места. Кобылицы недовольно ржали. Им жалобно вторили жеребята. Хлысты щелкали, подгоняя лошадей. Исмен подобрал лук с земли, выхватил из горита стрелу с костяным наконечником. На фоне светлеющего неба он заметил всадника в высокой островерхой шапке роксолана¹⁰. Шагов двадцать... Натянул лук, спустил тетиву. Всадник вскрикнул, но удержался на коне.

– Меня ранили! – крикнул конокрад подельникам. – Пастух где-то прячется.

– Вон он! – услышал Исмен справа.

Мальчик бросился бежать. Недалеко находился овраг глубиной в два роста, по дну которого бежал чистый ручей. Там кусты, он сможет спрятаться. Иначе его убьют. Петля скользнула по плечам и затянулась ниже колен. Исмен грохнулся на земле.

– Поймал! – крикнул конокрад.

– Так убей его, – потребовал раненый подельник. – Он мне плечо просадил. Ух, гад! Наконечник костяной. Теперь месяц рана гнить будет.

– Гоните лошадей. Я поспею за вами. Только вспорю ему живот. Пусть поползает, собирая собственные кишки.

Роксолан соскочил с коня и подошел к лежащему Исмену. В руке конокрада недобро сверкнул длинный нож. От ужаса перехватило дыхание. Бросило в жар.

– Давай, быстрее! – поторопил конокрада товарищ.

Он обернулся:

– Сейчас!

Рука Исмена нащупала камень размером с кулак, края острые. Он ухватил камень и кинул в разбойника. Угодил прямо в глаз. Конокрад вскрикнул, схватился за лицо. Исмен двумя ногами ударил его в колено. Разбойник ойкнул и упал на четвереньки. Мальчик рванул петлю, освободил ноги, ловко перекувыркнулся через голову и бросился наутек. Бежал, что есть сил. Спотыкался, падал, но тут же вскакивал и продолжал нестись к спасительному овражку. А за ним гнался разбойник, размахивая ножом. Он чувствовал за спиной его топот, слышал тяжелое сильное дыхание. Пару раз огромная пятерня чуть не ухватила за край рубахи.

Наконец – овраг. Исмен сиганул вниз. Едва не подвернул ногу. Превозмогая боль в ступне, бросился к противоположному откосу. Под ногами захлюпала вода. Его преследователь оступился и мешком свалился на дно. Крякнул, неудачно растянувшись в грязи. Исмен быстро взобрался наверх, сбивая колени и расцарапав о камни ладони. Тут же налетел на широкую грудь коня. Все! Поймали!

– Ты куда так несешься? – усмехнулся всадник.

Исмену показалось, или на самом деле, всадник говорил не на наречии роксоланов: мягко, немного растягивая гласные.

⁹ Сколоты – племена Северного Причерноморья

¹⁰ Роксоланы – ираноязычное сармато-аланское племя, кочевавшее в 1 пол. 1 тысячелетия н. э. в степях Северного Причерноморья.

- Не уйдешь! Я тебе кишки выпущу! – Из овражка выполз разбойник.
- Эй! Эй! Остынь! – крикнул ему всадник. – Чего ты на мальчишку с ножом лезешь?
- Не твое дело, – огрызнулся конокрад. – Ступай, куда шел.

Исмен сообразил, что всадник не принадлежит к шайке разбойников. Сам Папай¹¹ послал ему заступника. Он заголосил:

- Это конокрады. Они лошадей моих уводят.
- Не люблю конокрадов, – сквозь зубы процедил всадник.
- Где ты там пропал? – двое роксоланов на низких лохматых конях подскакали к овражку.

Завидев чужака, они насторожились и достали короткие акинаки. – Ты кто такой?

– Прохожий, – спокойно ответил всадник. – Что же вы так подло, ночью коней угоняете, да еще мальчишку хотите прирезать. Не по закону это. Нужны лошади, так отбейте табун честно, днем, скрестив оружие с хозяевами.

- Не учи, как нам поступать, – грубо оборвал его роксолан.

– Проваливай, иначе мы тебя вместе с мальчишкой шакалам скормим, – прорычал второй и тронул коня вперед.

– Попробуй, – спокойно ответил всадник, чуть пригнувшись, развернув к нападающему своего скакуна.

– Остановись, – одернул товарища более внимательный роксолан и, понизив голос, быстро сказал: – Не видишь, это же ксай.

– Какой он ксай, – намеренно громко усмехнулся конокрад. – Где его акинак? У него даже горита¹² нет. А одежда – просто рвань.

– Одежда тебе моя не нравится? А не хочешь свою отдать? И акинак в придачу, – спокойно и холодно предложил таинственный всадник.

Может, его неустрашимый вид, а возможно, спокойный твердый тон остудил конокрада. Роксолан струхнул. Глаза испуганно забегали: то на всадника, то на мальчишку. Он быстро вложил меч в ножны и повернул коня. Недовольно буркнул товарищам:

- Уходим!

Разбойники умчались, уводя табун. На краю овражка остались только Исмен и его спаситель. Репейник прибежал и жалобно заскулил, жалуясь, что лошадей угоняют. Угоняют, а что сделаешь? Исмен перебрался обратно через овражек, побрел к своему костру, сел на землю и бессмысленно уставился на тлеющие угли. Подъехал его спаситель спешился, устроился напротив, устало вытянув ноги в потертых старых сапогах. Исмен даже не взглянул на него.

- Поблагодарил бы, что ли, – беззлобно вымолвил всадник. – Все же, от ножа уберег.

– Лучше бы мне брюхо вспороли! – горестно вздохнул Исмен. – Теперь дядька с меня живого шкуру снимет. Ладно бы, волки жеребенка загрызли. Отхлестал бы тогда плетью, да на три дня без еды оставил... А тут – весь табун... Что я ему скажу?

– Экое чудо! – безразлично хмыкнул незнакомец, почесав густую рыжую бороду. – Скот частенько воруют. Расскажи ему все, как было. Что же он не поймет?

Исмен еще раз тяжело вздохнул.

– Если хочешь, я смогу подтвердить твои слова, – предложил незнакомец. – Как бы ты смог отбить табун? Их пятеро было. Тебя самого чуть не прирезали. Что, дядька такой лютый?

Исмен промолчал. Знал бы он нрав дядьки – не спрашивал бы.

- А отец твой где?

- Нет отца. Погиб.

- А мать?

¹¹ Папай – верховный бог у сарматов.

¹² Горит — футиляр для лука и стрел, использовавшийся, в основном, скифами.

– Один я. У дядьки из милости живу. У него самого пять сыновей и три дочери. Я – так – хуже, чем восьминогий.

– Восминогий, это кто? – не понял незнакомец и добавил: – Я не здешний, из аорсов¹³.

– Восминогие – бедные, – объяснил Исмен. – Их так называют, потому что у них кроме кибитки и двух волов ничего нет. У двух волов восемь ног, поэтому их так и зовут – восминогие. А я и кибитки своей не имею.

– У тебя есть верный пес, – усмехнулся аорс и потрепал Репейника по лохматому загривку. Тот недовольно ощерился и отошел в сторону, от греха – подальше.

– Сколько лет тебе?

– Двенадцатую весну встречаю.

– Большой уже, – рассудил незнакомец. – Пора коня своего заиметь.

– Коня, – горько усмехнулся Исмен. – Где я коня возьму? Только, если украду.

– А от чего мать умерла?

Путник растянулся на земле, положил руки под голову и устало прикрыл, воспаленные бессонницей, веки.

– От чумы. Мать, брат младший и две сестры старшие умерли. Мы их с отцом всех в одном кургане схоронили.

– Видел я чумные города. – Аорс сглотнул комок – Страшно. Люди лежат вповалку, почерневшие, распухшие...

Исмен подбросил хворосту в костер. Тонкие веточки затрещали, нехотя вспыхнули.

– А отец как погиб? – продолжал расспрос путник.

– Убили роксоланы. У нас семья богатая была. Коров много, и все с молоком. Кони были – табун огромный. Отец даже восминогим коров давал пасти.

– Зачем?

– Они корову пасут, молоком питаются. Если теленок рождается, то отдают нам. Хорошо мы жили.

– А что произошло?

– После зимовья пришли на свои летние пастбища, а их уже роксоланы заняли. Отец собрал всех своих работников и прогнал незваных гостей. Тогда роксоланы ночью напали и всех перерезали, скот угнали.

– А ты как уцелел?

– Папай уберег. Я в степь убежал. Маленький еще был. Пешком два дня шел к дядьке в становище. Он – младший брат отца. Рассказал ему все. Дядька родню собрал и напал на роксоланов. Становище их разорил, скот отбил.

– Так что же тогда дядька скот тебе не вернул? – удивился путник, приоткрыв один глаз.

– Почему он должен отдавать? – пожал плечами Исмен. – Теперь – это его добыча.

– Ну и законы у вас, – недовольно пробурчал аорс. – А вырастишь ты, захочешь семью завести, как тогда? Хоть часть тебе вернет?

– Часть скота? Нет, – покачал головой мальчик. – Наверное, даст мне кибитку с волами, да пару коров, – неуверенно ответил он. – Да что об этом думать, – махнул рукой. – Вот, как сейчас быть?

Путник присел, потрянул головой, прогоняя дремоту.

– Как зовут тебя?

– Исмен из клана Луня.

– А народ какой в твоём клане?

– Мы из сираков.

¹³ Аорсы – (греч. *Aorsoi*), союз сарматских племён.

– Кочевники, – знающе кивнул путник. – А я из аорсов. Род наш – клан Рыси. Живем далеко в горах.

– За Доном? – удивился Исмен.

– За Доном, – кивнул аорс.

– Но там же земли сколотов.

– Вот, за их землями начинаются наши горы.

– Старики говорят, что земля сколотов последняя. Дальше – только море без конца и края.

– Где последняя земля – никто не знает. За нашими горами лежит Великая Персия. Чудесная страна с безлюдными пустынями и бескрайними полями. Там есть огромные красивые города, где живет очень много народу. Горы вздымаются к самому небу. Их склоны покрыты густым лесом. Широкие реки, по которым плавают корабли торговцев. А по берегам тех рек раскинулись фруктовые сады.

– Не верю я тебе, – с сомнением произнес Исмен. – Как будто о царстве Папайя рассказываешь.

– Твое дело, – пожал плечами аорс.

– А зовут тебя как? – поинтересовался Исмен.

– Фидар. Так меня мать с отцом нарекли. У тебя есть что-нибудь попить?

Исмен протянул ему кувшин с молоком. Путник жадно выпил все до дна.

– Хорошее молоко. Сам взбивал?

– Ты спрашиваешь, как тот ксай...

Исмен осекся. Ему стало страшно. Не тот ли живой-убитый перед ним сидит? Не его ли разыскивают языги? Описание подходит: человек в рваной одежде, но на хорошем коне.

Исмен впервые внимательно оглядел своего спасителя. Серая шерстяная рубаха вся в прорехах. Штаны из дерюги, старые, с заплатами, на коленях протерлись до дыр. Сапоги истоптанные, еще чудом не развалились. А конь! Разве может такой оборванец иметь хорошего коня? Но не похож он на живого-убитого. Спину держит ровно, голова гордо приподнята. Движения неторопливые, размеренные. Рабы обычно сутулые, с затравленным взглядом. А этот, точно – настоящий ксай: взгляд гордый; глаза черные, живые. А ручки какие сильные. Шея, что у быка. Лицо круглое с большим горбатым носом. Густая рыжая борода с редкими вкрапинками седины. И в волосах на голове посеребренные нити пробиваются. Но на вид ему не дашь и двадцати пяти.

– Ты чего на меня уставился, как будто Мару¹⁴ увидел, – пошутил путник.

– Это тебя ищут языги? – не побоялся спросить Исмен.

– Меня, – просто ответил путник. – Да ты не дрожи. Не буду я тебе шею сворачивать. Какую награду обещали за мою голову?

– Лисью шапку.

– Всего то? – расхохотался аорс. – Ладно, пойдем к дядьке твоему. Заступлюсь за тебя, да в дорогу поесть чего-нибудь попрошу. Путь мне предстоит долгий...

Он поднялся на ноги.

– Так тебя же языги ищут! – удивился его беспечности Исмен.

– Пусть ищут.

– А если они уже в нашем становище побывали?

– Твоему дядьке сейчас не до лисьей шапки будет. У него табун угнали. Нужен я ему...

– Это точно, – грустно вздохнул Исмен, представив, что с ним дядька сделает.

– Да не переживай ты так, – успокаивал его аорс. – Я же дал слово, что заступлюсь, значит – заступлюсь.

¹⁴ Мара-богиня смерти.

Он запрыгнул на коня.

Исмен шел впереди, показывал дорогу.

– А если тебя все же языги поймают? – не унимался мальчик.

– Как бы им самим живыми уйти. Сколько, хоть, их было?

– Пятеро.

– Пятеро? – всадник рассмеялся. – Не видать тебе лисьей шапки.

– Но среди них был воин в доспехах. Ты не одолеешь его.

– На коне с оленьими рогами? – уточнил беглец. – Его-то я в первую очередь придушу, – со злобой процедил он. – Этот за все мои унижения ответит...

Чем ближе к становищу, тем сильнее отчаяние так и накатывало на Исмена ледяной волной. Сдавливало грудь. Ноги отказывались идти. Что он скажет дядьке? Как он скажет? А этот рядом едет и напевает беззаботно. Ну и песня глупая: о какой-то далекой возлюбленной. Она ждет воина из похода и льет горькие слезы, пытаясь заглянуть за виднокрай. Нет, не сможет аорс его защитить. Забьет дядька до смерти.

– Дым впереди от костров. И стада я вижу. Твое становище? – прервал песенку Фидар.

– Ага, – совсем понуро подтвердил Исмен.

Репейник, вильнув хвостом, бодро затрусил вперед, учуяв аппетитный дух от котлов. Пахло мясом, сваренным в молочной сыворотке. А вдруг косточка перепадет.

– Пошли, – подбадривал мальчика аорс, заметив, что Исмен весь напрягся и замер. – У всех бед конец бывает. Ну, поругают, ну, без ужина оставят, накажут... там. Да и в чем ты виноват?

– Виноват. Ты дядьку моего не знаешь. Без ужина... Как бы без головы не остаться.

Девять распряженных кибиток, стояли неровным кругом. Борта сколочены из прочных жердей. Каждая повозка имела четыре высоких сплошных колеса. Полог из толстого войлока и кожи защищал от непогоды. Для кочевника кибитка – дом родной. Во время стоянки их ставили вкруг, на тот случай, если недруги захотят напасть, – получалось надежное укрепление. По степи всякий люд шастает. Сегодня – добрый сосед, завтра – тебе голову снесет. Внутри круга возвышался большой шатер. Шатры имели только богатые племенные вожди. Верх полотняный, а стенки подбиты войлоком – большая роскошь. Рядом над костром висел огромный медный котел. Тетка Исмена, старшая жена вождя помешивала длинным деревянным черпаком варево из кореньев с мясом. Две ее дочери помогали готовить еду. Тут же женщины из племени перебирали ворох стриженной овечьей шерсти, шили одежду из кожи. Босоногие девчонки доили коз. Чуть поодаль паслось большое стадо коров. Собаки с лаем бросились к путникам, но, узнав Репейника, тут же затеяли с ним игру.

На шум из шатра выглянул старший сын дядьки Аусар. Новую кожаную рубаху до самых колен украшали медные бляшки. Талию перетягивал широкий матерчатый пояс с железными кольцами. На поясе акинак в деревянных ножнах. Высокие добротные сапоги на ногах.

– Отец! – крикнул Аусар, – Исмен идет.

– Что значит: идет? – раздался грубый окрик дядьки. – Зачем он кобылиц пригнал?

От его голоса тело Исмена пробила неприятная дрожь.

– Он без табуна. С ним всадник.

– Без табуна?

Полог шатра резко отлетел в сторону. Появился дядька в длинной рубахе из выбеленного холста, поверх меховая волчья жилетка. Седеющая борода лоснилась жиром, – дядьку отвлекли от еды. Широко шагая, он направился к Исмену.

– Где кобылицы? – закричал гневно он, размахивая руками с широченными мозолистыми ладонями.

– Табун увели, – еле выдавил из себя Исмен.

– Увели? Как увели? Кто увел? – лицо дядьки багровело от злости, глаза наливались гневом.

– Конокрады, – попытался объяснить Исмен, но тут же получил крепкую затрещину и полетел прямо к передним ногам коня аорса.

– Убью тебя! Как ты табун упустил? Дрых, наверное? Ах ты – никчемный. И пес твой такой же. Толку от вас обоих... Неси плеть, – приказал он сыну. – Я сейчас шкуру с него лоскутами сдеру.

– Эй, эй, хозяин, уйми гнев. Мальчишка не виноват, – вступился путник.

– А ты кто такой? – взметнул гневный взгляд на него дядька.

– Я мимо проезжал. Все видел. Твой мальчишка защищал табун, как мог. Одного разбойника подстрелил. Но и его самого чуть не прирезали.

– Лучше бы прирезали, – сплюнул дядька. – И что мне теперь делать? Я без кобылиц остался. Убью тебя! – снова набросился он на Исмена. Мальчик свернулся клубком в траве в ожидании удара.

– Эй, уймись! – настойчиво повторил аорс и двинул коня вперед, закрывая Исмена от плети разъяренного вождя. – Сам-то хорош: оставил мальчонку одного с табунном. А что он мог сделать против пятерых мужиков?

– Мне от этого не легче, – огрызнулся дядька. – Где мои кобылицы? Как я теперь без них?

– Да уж, с голода не помрешь, – усмехнулся Фидар.

– Да кто ты такой, чтобы меня упрекать?

– Ладно, остынь. Я подскажу, кто угнал твоих кобылиц. Роксоланы это. Их становище в стороне восхода отсюда. Если пешком, то день пути, верхом – за полдня достигнешь.

– Откуда ты знаешь. Случайно – не один из них? – вождь недоверчиво сверкнул глазами.

– Нет. Я мимо становища их вчера проезжал. Верь мне. Я – честный человек. Мне добра чужого не надо.

Дядька окинул его внимательным взглядом.

– Конь у тебя добрый, да ты сам весь в рвань. Не тебя ли языги разыскивают? Говорят, живой-убитый сбежал из города. Охранника убил, коня увел.

– Не знаю, о ком ты, – передернул плечами аорс. – Спасал бы свой табун. Но смотри, становище у роксоланов большое. Там народу – за сотню мужиков наберется.

– Сотня! – зло сплюнул дядька. – Всех перебью!

На крики сбежалось все становище: пастухи, женщины, босоногие дети.

– Скачите к нашим, созывайте людей, – приказал дядька сыновьям. – Ты, – подозвал он Исмена. – вместе с мальчишками ищи кустарник с ровными ветками и готовь стрелы.

– Дозволь отдохнуть в становище, – попросил Фидар. – Я посплю немного, одежонку заштопаю, и двинусь дальше. Что привез с собой, – то и заберу. А имущество мое – конь, да пустой живот.

– Отдыхай, – разрешил дядька. – Женщины тебя накормят.

На следующее утро дядька с сыновьями прирезали быка. Тушу освежевали, а мясо порубили на куски. Дядьке связали сзади руки, усадили на расстеленную шкуру. Рядом сложили гору свежего мяса. Дядька громко взывал к богу Папайу, жаловался, что его обокрали, обрекли на голодную смерть, оставили нищим. Вскоре начали подтягиваться родственники из дальних становищ. Приезжали верхом. Иные, те, кто беднее, приходили пешком. Все при оружии: у кого акинак, кто с копьём и щитом. У некоторых горит с луком за спиной, и кинжал к бедру привязан.

Расспросив у тетки, как все было, родственники брали из груды мяса кусок, одной ногой становились на шкуру и клятвенно заверяли, что отомстят за беды своего сородича. К концу дня набралось человек сорок. Кто не имел коня, тому дядька дал из своего табуна. С закатом,

принесли в жертву богу Савру¹⁵ жеребенка, прося помочь в набеге. После войны сели вокруг. Ели печеное мясо, запивали кислым молоком. По очереди вставали и произносили гневные речи, обещая страшную мучительную смерть конокрадам и всему роду проклятых роксоланов. Исчерпав запас проклятий и, хорошенько закусив, двинулись в поход. Впереди на конях мужчины с пиками, за ними женщины с луками и ножами. Мальчишки тут же пристроились пешими к кавалькаде. У каждого праща и крепкий волосяной аркан.

Фидар все это время сладко спал под кибиткой, увернувшись в старую потертую коровью шкуру. Суета вокруг его не интересовала. К вечеру он проснулся, вылез из своего укрытия, с удовольствием съел мяса с кореньями, запил свежим кобыльим молоком и засобирался в дорогу.

– Присоединяйся к нам, – предложил ему дядька. Горячий жеребец так и приплясывал под ним от нетерпения.

– Нет, – покачал головой аорс.

– Я дам тебе оружие. Мы добудем много скота. Ты поимеешь долю в добыче, – пообещал дядька.

– Спасибо за приглашения, но я не пойду с тобой, – твердо отказался Фидар.

– Как знаешь, – пожал плечами дядька и ускакал.

Аорс нашел в табуне своего коня и принялся крепить у него на спине красный войлочный чепрак. Надежно затянул широкие ремни с медными бляхами, накинул уздечку. Конь стоял смиренно. Хозяин иногда поглаживал его по шее, приговаривая ласковые слова.

– Ты не пойдешь с нами? – Исмен пробежал мимо с охапкой стрел. Остановился.

– И тебе бы не советовал. – Строго взглянул на него аорс.

– Почему?

– Нравится мой конь? – спросил Фидар, поглаживая стройную шею скакуна с проступающими жилками.

– Да. Красивый.

– Я зову его Уахуз – Ветер с гор. Кони – дети бога Фагимасада¹⁶.

– Знаю.

– Так вот, конь мне сказал: не надо идти воевать с роксоланами.

– Я коней пасу с детства, но никогда не слышал от них ни слова, – не поверил ему Исмен. – Ты меня за маленького считаешь?

– Предчувствие у меня плохое. Остайся лучше становище охранять, – серьезно сказал Фидар.

– Нет, – покачал головой Исмен. – Весь мой род идет биться. Как я могу остаться? Меня потом трусом будут считать.

– Ну, если весь род... – аорс вздохнул. – Жаль тебя, мальчишка.

– А ты не жалеяй, – зло огрызнулся Исмен. – И беду не кличь своими вздохами.

– Иди. Воюй, – махнул аорс рукой. – Только будь осторожен.

– Савр поможет мне, – храбрился Исмен. – А ты куда?

– Я? – аорс задумался. – Надо оружие себе добыть. Воин без оружия, что волк без зубов.

А с оружием и одежонку новую справлю, и обувь...

– Разбоем займешься? – с нескрываемым презрением спросил Исмен.

– Ксай разбоем не занимается, – строго возразил Фидар. – Разбой, это когда тайно, ночью, или нож в спину. А я – честно: встречу такого же, как я, воина и скажу: отдай мне оружие.

Исмен недоверчиво хмыкнул.

– И как же ты голыми руками с ним справишься?

¹⁵ Савр – бог, покровитель воинов и воинского искусства.

¹⁶ Фагимасада – бог моря и вод.

– Не справлюсь, так костью лягу. На все воля Савра.

Исмен махнул рукой и готов был уйти, но вдруг остановился.

– Возьми-ка. – Мальчик отвязал от бедра нож и протянул воину. – Он не новый, и точится плохо. Но все же – оружие.

– Спасибо, – не стал скрывать радости аорс. – А ты как без ножа?

– Я себе еще достану в бою, – храбро ответил Исмен и поспешил вслед за отрядом мстителей. – Прощай!

– Обереги тебя великая мать Табити¹⁷, – прошептал вслед ему Фидар и недовольно покачал головой.

Исмен бежал вместе с другими мальчишками, вслед кавалькаде. Если попадались по дороге подходящие камни для метания с пращи, он подбирал их и клал в небольшую сумку, что висела у него через плечо. К полуночи мальчишки догнали всадников. Отряд остановился. Несколько воинов спешили и, ползая чуть ли не на четвереньках, изучали следы. Один из воинов, сорвал пучок сухой травы, скрутил его в жгут и поджег, освещая место поиска.

– Тут два табуна проходило, – наконец сделали вывод следопыты. Большой табун ушел на север. Другой, голов сорок, двинулся на восток.

– Пойдем за большим табуном, – решил дядька.

– Но, путник, тот аорс говорил, что роксоланы стоят на востоке, – напомнил ему старший сын.

– Что ж я из-за сорока кобылиц такую ораву собирал? Верну я своих лошадей, а чем расплачиваться с остальными буду, ты подумал? Как добычу делить? Кому хвост, кому ухо? Идем на север, – твердо решил вождь.

– Но, если это не наши обидчики? – все еще пытался вразумить его старший сын.

– Они тоже – роксоланы. Так какая разница, у кого отнимем табун? Роксоланы нас обидели, мы – их обидим. Если окажутся не те, – значит, так решил Папай. В степи кто сильнее – у того и правда, – рассудил дядька. Скомандовал отряду: – Идем на север!

Шли в полной темноте, стараясь не шуметь и не переговариваться. К становищу роксоланов подошли незадолго до рассвета, когда на степь вместе с росой опускается настороженная звенящая тишина. Сизая дымка стелилась в низинах. Ни одна травинка не шелохнется. Дядька не раз участвовал в набегах на соседей, и сам частенько отбивался от разбойников, поэтому действовал умело и осторожно. Он приказал всем затаиться недалеко в овражке. Выслал мальчишек разведать вражеские силы. Те вскоре вернулись. Доложили: пять кибиток, большой табун лошадей – не меньше сотни голов, много коров с телятами, в загоне с десятков коз.

– Пять кибиток, – прикинул дядька. – Это значит, их человек двадцать взрослых – не больше. Отлично!

В общем, долго не размышляли и решили нападать.

Всадники с воем ворвались в становище. Пока взрослые резали всех, кто попался под руку, мальчишки вместе с Исменом занялись табуном. Женщины же ловили детей и связывали их. Все произошло быстро. Еще до восхода нападавшие с победными песнями двинулись обратно. За ними следовал огромный табун лошадей, коровы, стадо коз. Пару кибиток самых крепких решили прихватить. Остальные сожгли.

Что последнее успел увидеть Исмен: пылающий войлок повозок. Пламя озаряло вытоптанную поляну. Вповалку лежали изувеченные люди. Он вздохнул: жалко пастухов. Такие же, как и он, трудяги – кочевники. Жили, пасли коней, воспитывали детей, радовались, грустили, ухаживали за могилами предков, молились богам... И вдруг все разом оборвалось! А что вздыхать? В степи часто такое бывает, – сегодня ты победитель, завтра у тебя все отберут, даже жизнь. Утренний холодный воздух наполнился запахами сырой земли, крови и гари.

¹⁷ Табити – богиня домашнего очага

В свое становище добрались к вечеру. Все расселись большим кругом и весело отмечали победу. Ели печеное мясо, запивали взбитым кобыльим молоком. Дядька делил добычу между родственниками, щедро одаривая каждого: кому коня, кому корову, кому медный котел из захваченного скарба роксоланов. Детей не так много удалось пленить, но и их распределили среди родственников честно. Наконец дележка закончилась. Все остались довольные, только Исмена так и не назвал дядька. Мальчик подошел к нему и поклонился:

– Большой Отец, я тоже участвовал в бою, но ты мне ничего не дал.

– Тебе? – зло зыркнул дядька, даже холодок пробежался по спине. – А у кого кобылиц угнали? Поблагодари Савра, что добыча оказалась богатой, иначе я бы тебя прибил. Ничего не получишь. Иди, паси лошадей.

Исмен понуро побрел прочь. Его остановил старший сын дядьки, Асура.

– Ты пересчитал табун? – спросил он.

– Да. Четыре по две руки кобылиц. Три по две руки без мизинца коней, одна рука и два пальца жеребят, – сообщил Исмен.

– Ого! – довольно воскликнул брат. – А наших кобылиц нашел среди них?

– Нет.

– Пойди, посмотри еще раз. Проверь, что за тавр стоит.

Исмен ходил среди пригнанного табуна, но никак не мог найти знакомых кобылиц. Все лошади оказались чужие. У всех на левом бедре выжжен тавр в виде косоугольного креста с завитушками на концах. Он побежал обратно.

Веселье подходило к разгару. Воины хвастались своими подвигами, перебивая друг друга, шутили, издеваясь над поверженными врагами, громко смеялись.

– Чего тебе? – недовольно буркнул дядька. – Видишь, тут мужчины веселятся. Иди, попроси у женщин еды и отправляйся к табуну.

– Я хотел сказать, что все кони с чужим тавром, – оправдывался Исмен.

– Эка невидаль, – усмехнулся дядька. – Выжжем другой, свой. А что за тавра? – На всякий случай поинтересовался он.

– Косой крест с завитушками.

Смех оборвался. Услышав о косом кресте, все тут же притихли. Уставились настороженно на Исмена.

– Косой крест, говоришь, с завитушками, – в глазах дядьки мелькнул страх. – Пойдем, посмотрим.

Мужчины отложили не до конца обглоданные кости, отставили чаши с молоком и направились к табуну. Внимательно рассмотрели тавр.

– Ты нас повел на погибель! – воскликнул один из родственников. – Это знак клана Сокола. Клан Сокола возглавляет Скопас.

– Что с того? – возмутился дядька, но голос его дрогнул.

– Что с того! – негодовали родственники. – Да у него народу раза в три больше. Его клан огромный. Каждый пятый мужчина – ксай. Они даже от донских землепашцев подати брали.

– Чего вы разорались? Если боитесь мести Скопаса, давайте отгоним табун подальше в степь и бросим, – предложил дядька.

– Поздно! Скопас по следам к твоему становищу выйдет. Он разбираться не будет: кто виноват, кто – нет, – перережет нас всех.

– Хватит хвосты поджимать, – храбрился дядька, только говорил он как-то неуверенно. – Мы сами – воины. Если появится Скопас со своей оравой, проучим его. Я никогда не боялся роксоланов. Сираки всегда роксоланов били: и отец мой, и дед...

– Отец!

Его храбрую речь прервал крик всадника, гнавшего коня во весь опор. Он почти лежал на холке, а скакун чуть ли не стелился по земле.

– Отец! – еще издали звал всадник. Им оказался младший сын вождя, разъезжавший вокруг становища в дозоре. – Роксоланы! Их много!

– Ты погубил нас всех! – накинулись на него родственники.

– Поздно рассуждать. За оружие! – скомандовал дядька.

Роксоланы налетели со всех сторон. Больше сотни крепких, хорошо вооруженных всадников в добротных кожаных нагрудниках пронеслись по становищу, как ураган, сея смерть. Били короткими копьями с тяжелыми наконечниками. Спрыгивали с коней и отчаянно рубились короткими мечами. Прямоугольные плетеные щиты, обтянутые толстой воловьей кожей, не пробивали стрелы с костяными наконечниками.

Всадники ворвались в круг из кибиток. Смяли дядьки шатер. Копыта топтали дорогие ковры. Перевернули котел с мясом. Исмен присел, уворачиваясь от копья, нырнул под кибитку. Рядом упал роксолан с вспоротым животом. Исмен сдернул с его плеча горит с луком и стрелами. Роксолан силился подняться, но никак не мог. На него сверху упал еще кто-то с разбитым лицом.

Исмен попытался выглянуть, укрываясь за высоким сплошным колесом. Кругом кипел бой. Звенел металл, кричали воины, визжали женщины, стонали раненые. Он увидел, как один за другим гибли его родственники. Дядька верхом на высоком коне сцепился с широкоплечим воином, похожим на речной утес: большая голова в медном островерхом шлеме уверенно сидела на мощной короткой шее. Доспехи его напоминали рыбу чешую. Металлические щитки покрывали необъятную грудь. Развернувшись чуть боком на спине такого же мощного коня, он бил в щит дядьки толстым коротким копьем. Дядька даже не мог ему ответить, до того сотрясали сильные напористые тычки. Могучий всадник не имел щита. В левой руке он держал топор сагарис на длинной ручке. Выбрав удобный момент, роксолан резко взмахнул топором и рубанул дядьку по плечу. Толстый кожаный наплечник выдержал удар, но сам дядька свалился с коня. Воин кружился над ним, целясь копьем в лицо.

Глядя на могучего роксолана, крепкого, как валун, Исмен вдруг вспомнил... Не вспомнил – видение само встало перед глазами. Всплыло из памяти. Такое же побоище. Отец падает на землю, обливаясь кровью. Над ним гарцует огромный всадник и победно вскидывает окровавленный топор... Это он! Сам, того не понимая, Исмен выскочил из убежища, встал удобно на одно колено, натянул лук и послал стрелу с тяжелым трехгранным наконечником прямо роксолану в глаз. Воин вздрогнул всем могучим телом и медленно осел на круп коня, затем тяжело свалился на землю. Сразу несколько товарищей кинулись к поверженному вожаку.

Исмен сообразил, что теперь надо спасаться. Его не пощадят. Он кинулся прочь, в степь. За ним вдогонку бросились всадники. Исмен пробовал вилять, как это делают зайцы. Бесплезно! Разве от коня в степи уйдешь. Удар тупым концом копья меж лопаток, и он кубарем покатился в траву. Тут же навалилась тяжесть. Веревкой туго стянули руки. Петлей сдавили шею. Мальчик перестал сопротивляться.

Роксоланы сорвали полог с одной из кибиток. Выкинули все из нее. Дно устлали свежей травой. Сверху положили тело вожака. Стрела Исмена все еще торчала из глазницы могучего воина. Пленников, всего человек десять, заставили впрячься в повозку. Исмен оказался среди них. Тут же был и дядька. Лицо в кровоподтеках. Левая рука висела безвольно, видать топор все же сломал ключицу.

Пленники покатали телегу. Со всех сторон сыпались обжигающие удары плетками. Всадники затянули прощальную песню, прося у Савра принять воина в свою свиту, а мать Табити напоить его небесным молоком. Шли долго, весь день. Только к вечеру замученные пленники, чуть не падая, в разодранных рубахах, все в кровавых рубцах от плеток, выкатили повозку на широкую утоптанную дорогу. Впереди, по берегу небольшой спокойной реки раскинулось становище роксоланов. Заходящее солнце бросало кровавые отблески в воду, отчего река казалась кровью, вытекающей из вскрытой вены великана. Становище большое и многолюдное.

Кибитки, шатры, котлы над кострами. Дети с радостными криками бросились навстречу. Женщины оторвались от дел, но, завидев траурную повозку, услышав песню смерти, завывли, словно волчицы.

Пленников заставили подкатить повозку к большому круглому шатру белого войлока и опуститься на колени. Со всех сторон полетели камни. Их пытались бить палками. Женщины набросились: рвали волосы, лупили наотмашь, царапали. Мужчины еле отогнали разъяренных баб.

Из шатра вышла старуха, совсем седая, но крепкая. Она гордо держала голову, укрытую серым пуховым платком. Черные глаза жгли, словно два уголька. Серую шерстяную рубаху, расшитую золотыми нитями, стягивал на талии широкий красный пояс. В затейливом узоре на одежде везде обязательно проступал крест с завитушками. Старуха поправила пуховой платок на голове, скрывающий седые пряди, и очень медленно, как будто чего-то опасаясь, подошла к повозке.

Она вскинула к небу костлявые кулаки и жутко, протяжно завывла. Припала к груди убитого воина, гладила шершавыми ладонями его бородатое бледное лицо, осторожно, словно перед ней лежал младенец. Затем старуха выпрямилась. Слезы мгновенно высохли на морщинистом лице. Само лицо приняло выражение каменного истукана, что охраняют дороги в степи.

– Кто? – утробно, со злобой спросила она.

– Он! – Исмен получил пинок в лицо.

Старуха пронзила мальчика огненным взглядом. Лютая ненависть сменилась недоумением.

– Мальчишка? – накинулась она на воинов. – Вы не уберегли отца, великого, бесстрашного воина от какого-то мальчишки!

Она покачала головой из стороны в стороны как бы не веря в это.

Роксоланы живо поспрыгивали с коней и грохнулись на колени, виновато склонив головы.

– Прости нас, Большая Мать, – дрожащим голосом взмолился один из воинов.

– Позор вам! – изрекла старуха с шипением гадюки. – Позор! – крикнула она так пронзительно, что все невольно вздрогнули. – Вы должны были его оберегать. Пасть первыми, но прикрыть своим телом вождя. Теперь он мертв, – и в том ваша вина. Не уберегли! Мальчишка убил великого воина Скопаса, которому нет равных в степи от Великих гор¹⁸, до самого Дона. Да как вы после этого людям в глаза смотреть будете?

– Прости нас, Большая Мать, – заскулили воины.

– Молчите! – гневно оборвала она. – Позор вам всем! Вы недостойны звания ксяя! Пока я возглавлю наш род. Как только ты, старший сына Скопаса очистишься. – Ее костлявый палец ткнул в сторону юноши лет двадцати. – Наденешь пояс вождя клана Сокола. Но только после того, как очистишься. Я спрошу у великой богини Аргинпасы¹⁹, как тебе это сделать, через что пройти, сколько отрубленных голов врага принести... А теперь готовьте Вождя к встрече с Папайем и Великой матерью Табити.

– Большая Мать, разреши, я этого щенка накажу, – пылко воскликнул старший сын Скопаса. Он вскочил на ноги и схватил за шиворот Исмена. – Я закопаю его в землю по самую шею, а над головой разожгу костер. Я растяну его за руки и за ноги на колышках, вбитых в землю, и сдеру с живого кожу. Посажу его в тесную клеть и натравлю голодных собак, чтобы они постепенно обгрызали его плоть...

– Нет, – осадил его старуха. – Теперь он принадлежит мне. Я напою его дурманом и отрежу ноги по самые колени. На шею надену веревку, и он остаток жизни будет ползать за

¹⁸ Великие горы – Уральский хребет

¹⁹ Аргинпаса – богиня охоты, покровительница воинов

мною и веселить народ. Когда меня призовет Великая мать Табити, заберу его с собой. Он и там будет моей игрушкой.

Пленников отвели выше по течению реки. Здесь обрывистый берег поднимался над водой. Большую поляну никогда не заливало при весенних паводках. Кругом возвышались молчаливые могильные курганы. Пленников заставили рыть глубокую яму пять на пять шагов. Стены укрепили камнями. Над ямой из толстых бревен соорудили двухскатный настил.

К вечеру, когда могила была готова, прибыла похоронная процессия. Вождя Скопаса привезли все на той же телеге, запряженной черными волами. Огромная толпа роксоланов из всех ближайших становищ сопровождала повозку. Женщины выли, рвали на себе волосы и до крови расцарапывали лица. Мужчины горестно восклицали, взывая к небу. Ножами и стрелами резали себе руки и грудь. Появились седовласые жрецы в длинных рубахах, напоминающих женскую одежду. На головах круглые шапочки с коровьими рогами.

Жрецы вынули из глазницы вождя стрелу. Покрыли лицо покойника красной краской. Начищенный до блеска медный островерхий шлем надели на голову. Помолившись, жрецы вскрыли ножом живот вождя и вынули все внутренности. Разложили по глиняным кувшинам. Тело омыли изнутри крутым соленым раствором и набили душистой травой. Живот зашили кожаным шнуром. К концу обряда облачили тело вождя в дорожные одежды из тонкой шерсти. Объявили собравшимся, что вождь готов к встрече с богами.

Под завывание женщин, сыновья переложили Скопаса на широкое холщевое покрывало и прямо на нем отнесли к могиле. Тело опустили на дно ямы. В ногах поставили напутственные дары: кувшины с кусками мяса, оружие, одежду, красивые чепраки, уздечки, украшенные золотыми бляхами.

Старуха, Большая Мать долго стояла у края могилы, шепча заклинания, затем, подала знак: пора закрывать. Все роксоланы двинулись к реке. На берегу они подбирали камни и несли их к могиле. Вскоре над погребением вырос высокий холм. Землей, вырытой из ямы, присыпали камни и утрамбовали. Получился курган. Возле кургана врыли ствол небольшой свежесрубленной березы. На макушку водрузили колесо от телеги – символ солнца. Большая Мать подвела к кургану боевого коня вождя. Обошла с ним вокруг могильника и привязала к стволу.

Один из жрецов подал ей нож. Конь захрапел, заволновался, пытался сорваться с поводка. Учужал смерть. Но старуха ловко перерезала коню горло, и животное, теряя силы, разбрызгивая черную кровь, повалилось на землю. Коня отнесли в могилу.

Все это время пленники со связанными руками сидели в сторонке, в ожидании участи. Дядьку и еще двоих подняли и поволокли к священному столбу. Их поставили на колени. Старший сын Скопаса со жрецами подошли сзади. Один из жрецов запрокидывал пленнику голову назад. Старший сын Скопаса перерезал шею. Другой жрец подставил большую серебряную чашу под струю крови. Затем акинаком старший сын Скопаса отрубил уже мертвому дядьке правую руку по самое плечо. Так же поступили и с остальными двумя пленниками.

– Возьми с собой в путь этих недостойных, – воскликнула Большая Мать. – Пусть они будут твоими рабами.

Убитых отволокли в могилу вслед за конем.

На вершине кургана сложили кучу хвороста. В хворост воткнули меч вождя. Жрецы читали молитву, взывая к богам. Из серебряной чаши окропили хворост кровью пленников. Положили сверху отрубленные руки. Меч передали старшему сыну Скопаса, и тот отнес его в могилу. Хворост подожгли. Огонь на вершине кургана горел всю ночь, и всю ночь жрицы проводили службу по умершему.

Исмен безучастно наблюдал за церемонией похорон. Мысленно молился Папайю, припоминая все свои грехи. Просил у бога прощения за проступки. Постепенно страх перед ужасной неизбежностью прошел. Просто он устал бояться. На смену страха пришло тупое безразличие: на все воля Папайя. Ночью он не сомкнул глаз. Все ждал, что его поднимут и отведут к жерт-

венному столбу. С содроганием представил, как останется без ног, будет ползать за старухой, посаженный на поводок. Уж лучше пусть убьют. Или он сам убьет себя. Найдет способ.

Искры от погребального костра уносились в черное небо. Жрецы завывали протяжно, по волчьему. Им подвывали женщины. Пленникам не давали даже воды. Грязные босоногие дети иногда подходили и швыряли в них камни. Женщины набрасывались, впивались когтями, рвали волосы. Стражники оттаскивали женщин, детей прогоняли. Поскорее бы развязка. Поскорее бы умереть, не терпелось Исмену.

За спиной раздалось осторожное шуршанье и тихое поскуливание. Репейник! Как же мальчик обрадовался псу. Не бросил хозяина. Но что Репейник мог сделать для него? Между тем пес подполз сзади и вцепился зубами в путы на руках, пытаясь перегрызть веревку.

– Не надо, Репейник, – одними губами шептал Исмен. – Все равно не убежать. Все равно не скряться в степи.

Но пес продолжал неистово грызть путы. Охранник заметил пса и прогнал.

С рассветом роксоланы собрались вокруг могильника на поминальную молитву. Тут же разводили костры и готовили трапезу. Люди по очереди подходили к жрецам. Те из серебряной чаши, наполненной кровью жертвенных животных, мазали им лица. Потом мужчины соревновались в борьбе. Обнаженные по пояс, они выходили в центр круга, образованного зрителями, кланялись могильному холму и приступали к схватке. Никто их не подбадривал, не хлопал в ладоши. Все стояли и молча смотрели. Победитель вновь кланялся кургану и посвящал свою победу погибшему вождю. Проигравший же бился головой о землю, пока на лице не появлялась кровь.

К кургану подъехала группа из пяти всадников. Впереди красовался воин на высоком коне с оленьими рогами. Исмен узнал того ксаю, что ночью появился у костра. Роксоланы встретили незваных гостей хмурыми взглядами.

– Кого хороните? – спросил ксай.

– Сойди на землю и воздай должное великому вождю роксоланов, Скопасу, – потребовала Большая Мать.

– Скопасу? Что-то слышал о нем, – небрежно ответил всадник, продолжая сидеть на коне. – Легкого ему пути, и вечного блаженства. Он погиб в той бойне, что вы учинили сиракам?

– Мы наказали конокрадов.

– Отныне в этой степи я запрещаю самосуд, – громко объявил всадник. – Все тяжбы, все обиды решать только через меня.

– Да кто ты такой? – гневно воскликнула Большая Мать. Среди роксоланов поднялся угрожающий ропот.

– Я воин из племен языгов, – перекрыл мощным голосом их всадник. – Земли от этой реки до самого Дона принадлежат отныне городу Артару. Все кочевники, проходящие через наши степи должны платить подати.

– Ты сумасшедший? – воскликнул старший сын Скопаса. – Степь никогда никому не принадлежала. И мы пасли скот там, где хотели.

Тут же его поддержали соплеменники. Кто-то попытался схватить рогатого коня под уздцы, но тут же получил удар тупым концом копья в лицо и отлетел в сторону.

– Ты не прав, – усмехнулся всадник, когда возмущенные голоса чуть стихли. – Степь всегда принадлежала сильнейшему. До вас тут жили сколоты, до сколотов – киммеры²⁰. Теперь

²⁰ Киммерийцы (лат. *Cimmerii*, др.-греч. *Κιμμέριοι*) – племена, вторгшиеся в Закавказье во второй половине VIII и завоевавшие некоторые районы Малой Азии в VII вв. до н. э. Также условное название доскифских народов Северного Причерноморья эпохи железа.

языги владеют степью. А времена, когда вы беспощадно пасли скот – прошли. Отныне все нам платят: и сираки, и языги, и меоты²¹, и вы будете платить.

– Не будем! – старший сын Скопаса, схватился за меч на поясе.

– Не будем! – тут же подхватили все.

– Будете! – прорычал, словно медведь, языг. – Или убирайтесь отсюда!

– Ты нагло себя ведешь, – сказала Большая Мать. – Совсем не уважаешь наше горе. Ты приравниваешь клан Сокола великого племени роксоланов к каким-то сиракам. Я подниму против языгов весь род Сокола. Твой город Артар мы сровняем с землей. Нас наберется больше тысячи мужчин. Вождь, которого мы вчера схоронили, доходил с отрядом воинов до самой Ольвии²² и требовал дань с этого великого города.

– Что ж, попробуй поднять свое племя, – нисколько не испугался всадник. – Только ты наших воинов не знаешь. Сравнила Ольвию и Артар. В Ольвии живут одни толстобрюхие торговцы. А в нашем городе все мужчины побывали в битвах против эллинов и македонян. Я сам сражался вместе с великим правителем сколотов – Атеем²³.

– Но ты – не Атей, – укорила его Большая Мать, не скрывая презрение.

– Не Атей, – нисколько не смутился всадник. – У меня есть свое имя – Орик из клана Оленя. Я вожу языгов в походы. А кто поведет твоё войско? У вас был один воин, достойный звания ксая, да и тот лежит в этом кургане. Ставь против меня четырех своих лучших мужчин. Если выстоят, так и быть, в это лето пользуйтесь степью беспощадно. Но если я одолею их, будь добра – заплати!

– Я ему сейчас покажу! – разошелся старший сын Скопаса. – Коня мне!

Толпа расступилась, освободив место для поединка. Всадники сошлись. Сын Скопаса бросился на языга. Замахнулся копьем. Тот легко уклонился и врезал щитом ему в лицо. Роксолан слетел на землю, чуть не свихнув шею. Второй смельчак пытался ударить копьем в живот. Языг так жестко принял удар на щит, что роксолан в кровь содрал ладонь о древко копья. Языг издевательски поддел его ногу своей и скинул с коня. Третий сблизился, размахивая топором на длинной ручке. Попытался рубануть языга по голове, но все его удары падали в пустоту. Языг даже не поднимал щит. Пока роксолан замахивался тяжелым топором, пока целился, он уже знал, в какую сторону уклониться. После нескольких взмахов роксолан выдохся, а всадник в великолепных доспехах ударил его в лицо тупым концом копья, что считалось верхом презрения. И третий противник оказался на земле со сломанным носом. Четвертый был старым

²¹ *Меоты* (греч. *Μαιώται*) – древние племена (синды, дандарии, досхи, тореаты, аррехи, агры, обидиакены, таргеты, ситтакены, аспургиане и др.) на восточном и юго-восточном побережьях Азовского моря в I тысячелетии до н. э. Античные историки называли «Страной меотов», «Меотидой» – территорию от Азовского до Чёрного морей, а Азовское море именовали Меотским озером. В IV–III вв. до н. э. многие из племён меотов вошли в состав Боспорского государства.

²² *Ольвия* (др.-греч. *Ὀλβία* – счастливая, богатая) – античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI века до н. э. на правом берегу Днепро-Бугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино Очаковского района. Во времена расцвета (вторая половина V века до н. э. – первая половина III века до н. э.) город занимал площадь около 50 га и представлял собой важный центр торговли и рыболовства, имел тесные экономические связи со скифами, численность его населения предположительно достигала 15 тысяч человек.

²³ *Атей* *Atheas* (до 358 года до н. э. – 339 год до н. э.) – согласно установившейся традиции, один из наиболее выдающихся царей Скифии. Предположения о том, что Атей контролировал Придунайскую (Малую) Скифию выдвигаются без учёта многих факторов, прежде всего экономических. Атей проводил очень агрессивную политику на юго-западных границах Великой Скифии, а именно – подчинение своему влиянию полисов западного Причерноморья (с 358 года до н. э. – Истрия, с 343 года до н. э. – Каллатис), удачная война с трибаллами в 344 году до н. э., война с Македонией, о которой сообщают следующее: в 339 году до н. э. «обе стороны пришли в раздражение, завязалась битва, в которой скифы, несмотря на превосходство их душевной доблести и численности, были побеждены хитростью Филиппа; взято было (победителями-македонцами) по 20 тысяч детей и женщин, множество скота, но золота и серебра совсем не оказалось, чем впервые была засвидетельствована бедность скифов; 20 тысяч кровных кобылиц было отослано в Македонию для разведения породы». На обратном пути македонское войско попало в засаду, устроенную трибаллами. После смерти Атея Великая Скифия просуществовала еще около 60-70 лет, выдержав ряд войн (поход Зопириона 331 года до н. э., война с Боспором до 328 года до н. э., в качестве союзника боспорского царя в 310-309 годах до н. э., войну с Лисимахом в 313 году до н. э.). В настоящее время нет никаких археологических подтверждений кризисных явлений в Великой Скифии до 280-270 годов до н. э.

опытным воином. Всадники бились долго, молотя в щиты копьями. Кони ходили по кругу, взрывая копытами землю. Наконец язгыг исхитрился, пропустил копьё противника себе под левую руку, зажал наконечник подмышкой и без всякой жалости проткнул роксолану горло.

– Твои мужчины ни на что не способны. – Повернулся он к Большой Матери. Будешь платить, как и все племена. Иначе мы прогоним вас из этой степи. А за то, что устроили бойню с сираками, отдашь мне девять коней, девять коров и девять волов. И еще... – он внимательно оглядел всех. Его взгляд остановился на оставшихся в живых семерых пленников. – Это кто?

– Сираки, – ответила Большая Мать. – Наши пленники.

– Мальчишку того я встречал. – Язгыг ткнул окровавленным наконечником копья в сторону Исмена. – Его я тоже забираю.

– Возьми другого, – попросила Большая Мать.

– Нет, я хочу мальчишку, – стоял на своем воин. – Он хорошо взбивает кислое молоко. Я обожаю кислое молоко.

– Он убил нашего вождя, – сказал кто-то несмело.

– Что? – гневно воскликнул язгыг. – Вот этот мальчишка, похожий на воробья, в рваной рубахе? Он смог убить умелого воина в крепких доспехах, с оружием в руках? Вы издеваетесь надо мной!

– Это так, – подтвердила Большая Мать, опустив глаза от стыда. – Из уважения к мертвому, оставь мальчишку. Мы должны через год его прирезать здесь на кургане вместе с девятью жеребцами. Он пригонит этих жеребцов в степи Савра, к Скопасу.

Язгыг немного подумал. Все же божественные законы надо соблюдать. Согласился:

– Из уважения к вашему вождю, я через год приведу мальчишку. Обещаю!

– Но если он сбежит от тебя?

– Не сбежит. Я выжгу ему глаза, – пообещал язгыг. – Он и слепой сможет взбивать молоко.

* * *

Степь искрилась серебристой утренней росой. На голубом небе ни единого облачка. Жаворонки заливались трелью где-то высоко, высоко. Исмен брел, привязанный за хвост коня длинной веревкой. Язгыг дремал, сидя на спине скакуна, укутавшись в длинный плащ из мягкой шерстяной ткани. Шлем болтался, привязанный к поясу и бил всадника по бедру. С чепрака у правой голени свисал узкий чехол, в который было вставлено копьё. Прямоугольный плетеный щит с кожаной обивкой висел за спиной. В центре круглый медный знак солнцеворота носил следы недавней стычки с роксоланами. С левого бока к чепраку был приторочен деревянный горит, украшенный шкурой рыси и медными бляхами. Конь шел медленно. Нелегко носить всадника в тяжелых доспехах, да еще олени рога на голове. Слуги уехали далеко вперед, гоня коров, быков и лошадей, что получили от роксоланов.

Исмен еле передвигал ноги. Бессонные ночи и пережитый ужас вытянули из него последние силы. Он спотыкался, едва не падал. Голова кружилась. Перед глазами кровавая пелена сменялась радужными пятнами. Иногда мальчик не понимал, что творится вокруг, где он, почему у него связаны руки.

Ему почудился странный звук, будто пес жалобно скулил. Нет, не почудилось. Репейник выбрался из высокой травы и кинулся к нему. Радостно залаял. Прыгал, пытаясь лизнуть шершавым языком в лицо. Всадник очнулся от дремоты, повернул голову и недовольно закричал:

– А ну, пошел прочь! Я тебя сейчас плетью отстегаю, тварь блохастая!

Репейник бросился в сторону, поджав хвост. Он некоторое время крался рядом. Скулил. Его скул переходил в жалобный вой. Но пес боялся приблизиться.

– Ох, я сейчас тебе! – пригрозил всадник, раздраженный надоедливым воем, и потянулся к гориту за луком. Репейник тут же скрылся в траве. Исмен увидел, как он помчался куда-то,

задрал хвост. Мальчик совсем отчаялся. Теперь и пес бросил его. Захотелось умереть тут же на месте. Вот сейчас он упадет и больше не поднимется. Пускай всадник забудет его до смерти. Все лучше, чем целый год ждать ножа жреца, да еще с выжженными глазами.

Он почти провалился в беспамятство, когда вновь услышал лай Репейника. Но теперь пес лаял настойчиво, даже показалось, – нагло, осмелев. Исмен видел над травой загнутый лохматый хвост. Иногда пес взлетал, перепрыгивая через кочки, и тогда мелькало все его серое лохматое тело. Чему он так радуется? – Удивился Исмен. – Почему так странно прыгает? Сознание немного прояснилось. Пленник увидел, что следом за псом скачет его недавний знакомый аорс Фидар.

Языг остановил коня. Веревка ослабла, и Исмен без сил плюхнулся на землю. Тут же подбежал Репейник и принялся вылизывать лицо несчастному хозяину.

– Это ты? – гневно и немного удивленно крикнул языг Фидару.

– Хорошего утра, хозяин, – приветствовал его аорс, растянув обветренные губы в наглую улыбку. – Какая счастливая встреча.

– Я тебя ищу уже пятый день, – грозно крикнул воин. – Ты как посмел сбежать, да еще убил охранника. Быстро слезай с коня и моли о пощаде. Твое преступление тянет на мучительную казнь.

Фидар без всякого страха приблизился. Всадников теперь разделяло не больше пяти шагов. Аорс ухмыльнулся:

– Ты что, за дурака меня считаешь? Думаешь, я сам добровольно подставляю шею под петлю?

– Немедленно слезь с коня! – не на шутку разозлился языг. – Пойдешь за мной, со связанными руками.

– У меня к тебе другое предложение, – ответил аорс и поскреб рыжую бороду, как будто что-то прикидывая в уме. – Ты отдашь мне меч, копьё, коня и доспехи, тогда я тебя отпущу живым. – Еще подумав, он изменил решение. – Нет, пожалуй, доспехи мне маловаты будут. И так: давай коня, меч, щит и плащ. Мальчишку я тоже заберу...

Языг посерел от гнева. Да как этот наглый раб смеет так с ним говорить! Ухмыляется прямо в лицо хозяину, на которого даже глаза не имеет права поднимать. Должен валяться в ногах и молить о быстрой смерти. А он еще дерзит... Или он сумасшедший? Одурел от свободы? Его надо наказать, а лучше всего убить на месте. Зачем нужен непокорный раб?

– Дерзишь! Мне дерзишь! Воину из клана Оленя! – Он коротко обернулся к Исмену и приказал. – Сиди здесь! – Вынул копьё из чехла. Веревка, державшая Исмена, упала на землю.

Мальчик ужаснулся: Фидар и в правду – ненормальный! Куда же он с голыми руками против вооруженного воина. Даже защиты никакой нет: ни щита, ни копьё. Он прекрасно помнил, как языг легко разделался с четырьмя роксоланами. Так те вооружены были, а Фидар... Даже захотел зажмуриться, чтобы не видеть, как бесславно погибнет аорс. Между тем языг уверенно направил коня на живого-убитого. Замахнулся копьём, решая одним ударом покончить дело.

Дальше произошло что-то непонятное. Аорс не стал ждать смерти, и сам ринулся навстречу. Сблизился так быстро и неожиданно, что наконечник копьё ударил в пустоту. Всадники разминулись правыми боками, чуть не сбив друг друга. Фидар перемахнул через Исмена. Мальчик еле успел пригнуть голову от копыт его коня. Увидел, как над ним пронеслось широкое серое брюхо.

Языг развернулся. Глаза его горели гневом. Он хотел что-то крикнуть, но из горла послышалось бульканье, затем хлынула кровь. Исмен заметил, что в шее воина из клана Оленя, там, где заканчивается чешуйчатый панцирь, торчит рукоять ножа. Языг так и не понял, что произошло. Силы внезапно покинули его, и он сполз с коня. Левая рука, коченея, все еще удерживала узду.

Аорс подъехал к павшему воину. Спрыгнул на землю, опустился рядом с телом на колени и принялся читать какую-то молитву. Исмен с трудом поднялся. Репейник все норовил прыгнуть повыше и лизнуть в уже, и без того, облюнявленные щеки. Мальчик медленно, шатаясь, подошел к воинам. Языг лежал навзничь, раскинув руки. Его темные остекленевшие глаза смотрели в голубое небо. В них застыло удивление. Лицо заострилось. Борода и усы перепачканы кровью. Чешуйчатые доспехи на груди тоже залила кровь.

Фидар бубнил молитву, раскачиваясь из стороны в сторону, как ковыль на ветру. Затем припал к груди убитого и три раз громко произнес:

– Прости, прости, прости!

– Ты что делаешь? – спросил Исмен.

– Прошу прощения у духа воина, – ответил аорс, пытаясь закрыть веки погибшему.

– Зачем? Он же враг.

– Он настоящий ксай. Надо уважать ксая даже мертвого. Сейчас дух его отправится к богам. Если бы я не попросил у него прощения, он бы там всем воинам жаловался, что я нечестно его убил. Еще прогневал бы Савра.

– Как – нечестно? – не понял Исмен. – Ты же с голыми руками на копье бросился. А если бы он проткнул тебя?

Фидар поднял глаза на Исмена, пожал плечами и глухо ответил:

– Значит, сейчас я бы здесь лежал, а ты дальше шагал, привязанный к хвосту коня. – Он выдернул из шеи убитого нож. – На, твой. Выручил меня.

– Я не могу его взять, – ужаснулся Исмен, увидев почерневшее от крови лезвие. Даже почувствовал дурноту, подкатившую к горлу.

– Крови никогда не видел? Кровь, она у всех одинаковая, что у человека, что у зверя.

Аорс поднялся. Окровавленным лезвием перерезал путы на руках Исмена, вытер нож о пучок жесткой травы. Отвязал с бедра ножны, вложил в них клинок и всунул в руки Исмену.

Конь языга с оленьими рогами чего-то испугался, вырвал узду из окоченевших пальцев хозяина и бросился в степь.

– Ускачет ведь. Конь хороший, – пожалел Фидар.

Но Репейник не дремал, – метнулся наперерез. Пес резкими рывками забегал вперед и злобно клацал зубами, не давая коню уйти.

– Нет. Репейник не позволит. Он обучен, – успокоил его Исмен.

Мальчик развязал пояс, стянул с себя рубаху. Осторожно ступая, подкрался к коню, который пятился от огрызающегося пса. Исмен накинул ему на глаза рубаху и крепко вцепился в шею. Репейник тут же примолк. Конь испуганно заржал, пытался встать на дыбы. Но Исмен крепко держал его, пока животина не присмирела. Затем осторожно разомкнул объятия, дышал несколько раз в ноздри коня. Тот фыркнул. Исмен снял с морды рубаху. Все! Успокоился.

– Молодец. Лихо ты, – похвалил его аорс.

– С малых лет коней пасу, – скромно ответил Исмен.

Фидар похлопал скакуна по крутой шее, потрепал коротко остриженную гриву.

– Хорош. Силен. Кастрирован правильно.

Конь тряхнул головой, так, что чуть не попал рогами в лицо Фидару.

– Да сними ты с него эти ветки, – недовольно пробурчал он. – Что за привычка у языгов коней в оленей рядить.

Исмен перерезал ремешки, крепящие шлем на голове скакуна и откинул в сторону позолоченные ветвистые рога. Объяснил:

– Поверье у них такое. Савр скачет не на коне, а на олене.

– Понятно. Тоже – возомнили себя богами. Помоги мне.

Они вдвоем взвалили тело языга на круп коня. Фидар решил сойти с дороги, чтобы ненароком не попасться языгам или еще кому-нибудь на глаза. Нашли небольшой овражек, края

которого защищал густой кустарник. Мертвеца положили и укрыли его же плащом. Исмен тут же улегся на траву и от усталости провалился в черный сон. Фидар спутал коням передние ноги, чтобы не убежали, и пустил пастись. После сложил костерок из хвороста.

Исмен очнулся ближе к полудню. Солнце веселым желтым шариком повисло на небе среди пушистых молочно-белых комочков облаков. Первые мысли пришли, словно в бреду: надо гнать лошадей к реке, поить, затем надоить молока, пока жеребята все не высосут. Да, и почему он спит днем? Потому, что... Память внезапно вернулась. Горе холодной рукой сжало сердце. Нет лошадей, нет родного становища, нет никого...

– Проснулся? – окликнул его Фидар. – Вставай. Поешь.

Нос защекотал аромат печеного мяса. Фидар протянул мальчику заячью заднюю лапу. Мясо слегка подгорело, но сочилось розовым соком. Исмен оторвал кусочек и кинул перед собой, жертвуя богам. После жадно впился зубами, рвал полусырое мясо и, почти не жуя, глотал. Двое суток ничего не ел.

– Ну и пес у тебя, – довольно произнес Фидар, обсасывая ребрышки. – За такого и кинжал персидский не жалко отдать. Это он зайца поймал. Приволок его полузадушенного. Хороший пес.

– Он всегда мне зайцев ловит. – Исмен поделился с Репейником косточкой. Пес тут же деловито принялся хрустеть и чавкать.

– Почему ты оказался на привязи у этого языга? – поинтересовался Фидар.

– Забрал меня как дань у роксоланов.

– А у роксоланов ты что делал?

– Сначала мы их становище перебили, потом они на нас напали.

– А дядька твой что? Он же клялся, что всех их перережет.

– Дядька? – Слезы выступили на глазах у Исмена, но он твердо продолжил: – Дядька тебя не послушался и повел нас к другому становищу, на север.

– Я же ему сказал: к восходу, – удивился Фидар. – И что? Вы не на тех напали?

– Оказались пастухи из племени Скопаса.

– Знавал я когда-то роксолана Скопаса. Хороший воин. Вместе с ним в коннице служили у персидского правителя. Но как вас угораздило его стадо угнать?

– Дядька... Из жадности... Позарился на богатую добычу. Тавр клана Сокола только потом разглядели, когда табун в свое становище привели.

– Да расскажи ты по порядку, – попросил Фидар.

Исмен выложил все, как было.

– Постой, постой, – востепенулся Фидар, когда Исмен дошел до того места, как он попал вождю в глаз стрелой. – Из твоих слов я понял, что ты убил главу клана роксоланов. Не врешь?

– Не вру.

– Да, уж, пометила тебя Мара.

– Я узнал его. Это Скопас убил моего отца. Я отомстил. Как будто сам Савр меня из-под повозки вытолкнул и помог лук натянуть.

– Согласен, без помощи Савра ты бы не смог его убить, – мрачно сказал Фидар. – Месть за отца – дело благородное, конечно... Но теперь тебе не выжить в степи. У Скопаса восемь сыновей, насколько я помню, и каждый обязан по законам мести выпустить тебе кишки.

– Знаю, – горестно согласился Исмен.

– И еще я одного не понял. Ты же мне раньше рассказывал, что дядька твой тогда отомстил за отца. Вроде бы перебил обидчиков и скот отнял.

– Значит, он и в тот раз не на тех напал, – решил Исмен.

Они доели кролика и сложили кости в костер. Как-то непривычно было сидеть и есть рядом с покойником. Фидар снял с убитого перевязь с мечом, вынул из изящных чеканных ножен меч в локоть длинной. Лезвие чуть изогнуто и заточено с одной стороны. У основания

клинок узкий, а к середине расширился в виде листа. Меч аорсу не понравился. Он неодобрительно покачал головой.

– Какой странный акинак, – удивился Исмен. – Я таких коротких и широких не видел.

– Не акинак это, – тоном знатока ответил Фидар. – Эллинский копис.

– Эллины? Не тот ли это народ, что живет в городах на побережье моря.

– Они самые. – Фидар помахал клинком, примеряясь. – Не люблю я кописы. Короткие и тяжелые. Я обычно так меч выбираю: кладу его на руку, чтобы острие уперлось в сгиб локтя, – продемонстрировал, как он это делает. – Пальцы вытянутой ладони должны касаться основания клинка у рукояти. А этот, видишь: на половину ладони короче.

Исмен взглянул на убитого воина, зачем-то потянулся и поправил край плаща, укрывавший лицо.

– Его дух слышит нас?

– Слышит.

– Сильный был воин.

– Да уж, – кивнул Фидар, вкладывая копис обратно в ножны.

– Я видел, как он с четырьмя роксоланами разделался.

– Языги – хорошие воины, – согласился Фидар. – Только есть у них дурная черта: перенимать все эллинское. Вот, ты думаешь, откуда они придумали город построить? Все у Эллинов подглядели. Раньше языги были так же, как и сераки, и роксоланы – кочевники. Гоняли скот от кочевья к кочевью, с соседями ссорились, в походы ходили. А теперь решили, что они особенные. Поставили каменные стены, настроили себе домов. Зачем пасти скот, сеять ячмень, надрываться каждый день с рассвета до заката? Проще объявить себя главным в степи и собирать дань. Нет, долго они не протянут, – сделал вывод Фидар. – Рано или поздно разрушат их город, да и самих всех поубивают.

– А как ты попал к ним в плен? – поинтересовался Исмен.

– Это длинная история. – Фидар отложил меч в сторону, задумчиво почесал бороду. – Я в Персии служил наемником. Страна большая, богатая, но беспокойная. Сегодня один правитель, завтра его убили, и убийца уже на троне... Я попал туда как раз во время восстания сатрапов.

– Это кто такие?

– Сатрапы – наместники в дальних областях. В Персии жизнь протекает не как в степи. Есть большие города, где живут ремесленники, торговцы, земледельцы. Над ними властвует знать – особая каста воинов. Все эти воины – крупные землевладельцы. Старший в этой касте – сатрап. Но сатрапы подчиняются верховному правителю, кшатре. Нынешний правитель Дарий был сатрапом Армении. Так вот, восстали западные сатрапы и решили создать свое отдельное государство. Правитель Артаксеркс, его еще Охом звали, разбил сатрапов. Одних зачинщиков казнил, другие сбежали в далекие страны. А над успокоенными западными областями поставил старшего евнуха. Багой его имя.

– Что такое евнух?

– Даже не знаю, как тебе объяснить, – задумался Фидар. – Евнух, вроде бы – мужчина, но в то же время – и нет. Так – что-то среднее...

– А разве такие бывают.

– Их такими делают.

– Как энарей²⁴?

²⁴ энарей были профессиональной жреческой кастой, связанной с культом богини Аргипасы; являлись гадалками. "Искусство гадания даровано им богиней; каста энареев имела наследственный характер. "Женподобные" особенности энареев, явно связанные с требованиями религиозного культа, передавались также их потомству. Происходили из аристократических слоев общества, может быть даже близких к царскому дому. Псевдо-Гиппократ отмечает, что энареи – "скифские богачи, не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом"

– Энареи могут иметь детей, а эти – нет. Потом энареи – жрецы и прорицатели. Евнухи же к касте служителей богов не относятся. Но суть не в том. Этот Багой – человек с повадками шакала: хитрый, жестокий, мстительный. Для него младенца зарезать – так, развлечение. Эта змея убил правителя Оха и отравил всех его сыновей. В живых оставил только Арсеса, младшего сына кшатры от наложницы. Решил посадить его на трон, как послушного ягненка, а самому править страной. Ягненок оказался строптивый. Арсес поднял восстание. Среди повстанцев оказался и я. Нас разбили. Бедняга Арсес лишился головы. Многих заговорщиков казнили. Наемников и простых воинов обратили в рабов. Меня продали элинам на галеры.

– Это...

– Корабли такие, что по морю плавают. На них сидят гребцы с длинными веслами.

– А-а. Понятно.

– Вот. Приковали меня к скамье, вручили весло и угощали каждый день плетью. Доплыл наш корабль до Ольвии. Я по-хорошему попросил надсмотрщика отпустить меня. Он же, гад, посмеялся и отстегал плетью. Тогда я накинул на его шею цепь, которой был прикован к скамье и придушил. Меня хотели убить на месте за это. Хозяин корабля вмешался. Из жадности оставил мне жизнь. Прежде всего, я освободил его от платы, что он должен был отдать придушенному надсмотрщику. А оптом, зачем убивать такой хороший товар. На корабле меня держать, посчитал, опасно, и продал языгам. Те как раз нанимали в Ольвии мастеров для строительства укреплений и закупали рабов, чтобы те таскали камни.

Почти год я провел в рабстве у языгов. Много нас там было – несчастных, лишенных свободы. Поднимали нас до восхода и гнали в каменоломни. Обрато приводили только к ночи. Кормили сывороткой молочной с какими-то кореньями. Многие надрывались и умирали. Иные от болезней скончались. Мне невмоготу стало. Тоска душила. Почувствовал: еще немного – или свихнусь, или надорвусь. Попросил сторожа отпустить меня. Честно попросил: отпусти, говорю, иначе убью тебя. Разве тебе хочется умирать? Тот только посмеялся надо мной и избил палкой. Той же ночью я куском песчаника подпилил кандалы. Оковы из мягкой меди были, легко поддались. На следующий день нас, как обычно, пригнали в каменоломню. Я высвободился из оков, подобрал булыжник и проломил сторожу голову. Забрал его коня и ушел в степь.

– Но тебя любой кочевник обязан поймать и сдать языгам живым или мертвым.

– Это, пока я здесь. А как только перемахну через Дон, – вновь свободный. Не забывай, ты тоже на положении живого-убитого.

– Я помню, – горестно согласился Исмен.

– Из твоего рода кто остался?

– Мужчин всех: кого перебили, кого обратили в живых-убитых.

– Выходит, ты теперь – глава клана.

– Глава. Только клан истребили, – вздохнул Исмен.

– Ох, уж дело к вечеру, – взглянул на небо аорс. – Мне пора ехать. – Поднялся. – Ты, я вижу, отошел немного. Выживешь?

– Постараюсь.

– Помоги мне.

Они вновь взвалили тело языга на круп коня и надежно привязали.

– Почему ты его не бросишь? – спросил Исмен.

– Воин должен быть погребен по всем правилам, – сухо объяснил Фидар. – Попадется по пути становище, попрошу захоронить. Нехорошо оставлять его шакалам. Что потом скажет Савр, когда отправлюсь к нему?

Аорс запрыгнул на своего коня.

– Ну, бывай, – попрощался он с Исменом. – Пусть Папай подарит тебе счастье, а Великая мать Табити уберезет от беды.

– И тебе того же, – упавшим голосом ответил Исмен.

Мальчик вдруг остро ощутил щемящее чувство одиночества. Он сейчас останется один в этой степи. До него никому нет дела, кроме врагов. А враги кругом: роксоланы, языги, волки, голод. Куда бы он ни пошел, везде его ждет смерть, все равно какая: голодная или от меча мстителей, а может от зубов хищников.

Фидар как будто услышал его мысли, остановил коня, оглянулся:

– А ты куда поправишься?

Исмен пожал плечами.

– Родственники у тебя остались? Может, в других кланах?

– Может, и остались... Да кто меня примет. Я убил Скопаса. Кто захочет навести гнев на свое становище.

– Да! – протянул Фидар и надолго задумался.

Вдруг конь с убитым языгом на спине стал вырываться, норовил укусить, ударить передним копытом. Фидара не смог удержать узду. Конь подбежал к Исмену и уткнулся влажным носом в шею мальчика. Исмен погладил его.

– Чего это с ним? – удивился Фидар.

– Не знаю. Может от меня кобылицами пахнет. – Исмен сам не мог понять.

– Покойника боишься? – спросил аорс после недолгого раздумья.

– А чего его бояться?

– Залезай на коня. Мы оба в этой степи – изгои. Раз Фагимасад, отец всех коней желает нам одной участи, будем держаться вместе. Вдвоем и помирать веселее.

– А куда мы направимся? – уже приподнятым голосом спросил Исмен.

– Попробуем проскочить за Дон.

– Но там же земли скелотов, – ужаснулся Исмен.

– Тебе-то какая разница, кто прибьет: роксоланы или скелоты? У роксоланов ты уже, считай, – мертвец. А со скелотами, возможно, договоримся. Не такие уж они страшные и кроважденные.

– А потом куда? К морю в эллинские города?

– Нет. В горы. В мои родные горы, – мечтательно вздохнул Фидар. – Ну, что, ты едешь или будешь ждать, пока тебя роксоланы перед жертвенником горло перережут?

Языг широко лежал на спине коня. Исмен еле уместился. Пришлось сесть чуть ли не на холку. Они тронулись.

– А какие они – горы? – спросил Исмен.

– Словами описать не просто – увидеть надо. Степь, конечно, красивая... Но Горы! Представляешь, выезжаешь утром на откос. Кругом синие вершины, окутанные туманом. Седой Отец Эльбрус сияет над облаками. А под тобой далеко внизу в ущелье река струится, как зеленая змейка. Орлы парят – стрелой достать можно. Тучки пушистые проплывают мимо... Эх!

Кони бодро бежали по утоптанной стежке. Солнце краснело и падало к западному виднокраю. Потянуло вечерней прохладой. Высокий ковыль слегка колыхался и мягко шуршал под напором настойчивого западного ветра.

– А как ты стал ксаем? У тебя в роду все воины? – спросил Исмен.

– Нет. В моем роду одни пастухи. Дед мой коров пас. Отец – тоже. Но, конечно, если враг приходил, они тут же за оружие брались. Дрались отчаянно, как рыси, но никогда не кормились войной. У меня братьев восемь и сестер пять. Представляешь, семья, какая большая. А еще дядьки, тетки... Клан Рыси огромный. Сестры – красавицы. Женихи так и обивали порог нашего дома. Мои братья все с руками, с головой. А я самый младший и самый беспутный – ничего делать не умел. За что не возьмусь – все из рук валится. Сначала меня отец отправлял

коров пасти. Не нравилось мне это. Да еще бык наш меня невзлюбил, все кидался. Я ему даже кнутом глаз выбил. Отдал меня тогда отец к гончару, дядьке Уаре в обучение. Ничего не получалось. Глина вечно липла к рукам. Кувшины выходили кособокие. Выгнал меня дядька. Отец отвел к кузнецу. Барана отдал, чтобы меня, второго барана, обучили искусствуковки. Кузнецы в цене в горах. Когда враг разоряет селенье, никогда дом кузнеца не трогает. Кузнецы, они с богами не меньше жрецов знают. В первый же день поколотил меня мастер за криворукость и выпер вместе с бараном. Сказал, что лучше возьмется настоящего барана учить, нежели меня. В общем, ничего я не умел. Зато драчуном был... Все мальчишки меня боялись. Сил, что у быка. Дед так и сказал: ксаем тебе надо стать. Когда шестнадцатый год наступил, через наше селение проходили аланы. Племена у нас такие живут высоко в горах. Бедные, но благородные. На горных пастбищах сильно не разжиреешь. Горы – не степь. Среди камней трава плохо растет. Вот, они частенько собираются в отряды, спускаются с гор и делают набег на Персию. Но в этот раз аланы шли наниматься в персидскую конницу. Дед мой, глава старейшин был. У него аланы потребовали себе оруженосцев. Отец, недолго думая, меня и сунул им. Повздыхал, погоревал, дал топор бронзовый и свои сапоги новые. Мать плакала. Собрала лепешки, сыр в узелок, благословила и отпустила, – Фидар грустно покачал головой, вспоминая тот далекий день, но тут же улыбнулся: – А братья завидовали мне. Вдруг воином стану, таким же, как эти аланы: сильным, бесстрашным. Конь свой будет, меч острый... Да я и сам хотел уйти. Обузой стал отцу. Братьям мешал. Соседи на меня косо смотрели. Старики ругали за безделье. С легким сердцем бы ушел, если только не Дидинег.

– Фиалка? – не понял Исмен.

– Девушку так зовут. Живет она в соседнем селении, там, где Кольцо-гора. Отец у нее сыродел. Братьев старших трое и семь сестер. Она самая младшая.

– Красивая?

– Как заря в морозное ясное утро. Как расцветающая веточка сирени.

Взор рассказчика затуманился, а на губах заиграла неземная улыбка.

– Так, что дальше было? – вернул его на землю Исмен. – Ты стал ксаем?

Фидар косо взглянул на мальчика.

– Чтобы стать воином, надо хорошенько в грязи поваляться. Сначала я разжигал костры и готовил еду для аланов. Чистил коней. Когда они по горным тропам ехали верхом, мы, оруженосцы на своих двоих несли за ними их копыя, щиты, всякую поклажу.

– А почему у вас не было вьючных ослов?

– Мы сами были ослиами. Где ты видел конное войско с ослиами? Засмеяли бы. Конечно, нас обучали бою на мечах и на копьях. Оруженосец должен убереечь своего господина, если его ранят или собьют с коня. У знатных воинов бывало по пять, а то и по десять оруженосцев. Когда мы прибыли в Персию, я уже хорошо владел оружием. Помню, осень была поздняя. В горах снег выпал. Наш отряд направили на запад к проливу Геллеспонт²⁵. Наглые македоняне переправились на персидский берег и осадили прибрежные города. Нам поставили задачу: сбросить их обратно в море. Македонянами командовал хитрый опытный полководец Парменион²⁶. Устроил западню, в которую мы и угодили.

– Страшно было в первый раз?

– Конечно. Кто говорит, что ничего не боится – лгун. Даже на самого опытного воина перед битвой накатывает страх. Надо уметь его побороть, задавить и держать внутри, пока он сам не утихнет.

– И как проходила твоя первая битва?

²⁵ Геллеспонт, соврем. Дарданеллы (лат. *Hellespontus* – устаревшее, древнегреческое название) пролив между европейским полуостровом Галлиполи и северо-западом Малой Азии

²⁶ Парменион (греч. Παρμενίων, лат. *Parthenion*, прим. 400 – 330 гг. до н. э.) – полководец Филиппа II и Александра Великого служил, вероятно, ещё его отцу Аминте, потом самому Филиппу II, а затем его сыну Александру Великому.

– На холме появился небольшой вражеский отряд всадников. Увидев нас, они поспешили удрать. Горячие аланы бросились за ними в погоню. А за холмом мы напоролась на фалангу²⁷. Представь плотно сомкнутый строй пеших воинов с длиннющими сариссами²⁸. Да тут еще с флангов лучники атаковали. Аланы бились отчаянно. Да толку с копьем коротким лезть на частокол сарисс, а справа и слева в тебя стрелы летят. Пеший отряд персов отстал. Как только кардаки²⁹ подоспели к нам на помощь, откуда ни возьмись, их атаковала конница македонян. Персы побежали, оставив нас на растерзание врагу. Почти все аланы там и полегли. Воин, у которого я служил оруженосцем, сам еще юношей был. Он кинулся отчаянно на строй гоплитов³⁰. Его подняли на копья. Чтобы спастись, я запрыгнул на его коня, подобрал его копье, щит и продолжал сражаться. Немногим удалось вырваться из той бойни. Когда остатки нашего отряда вернулись в Сузы³¹, меня приписали к коннице массагетов³² не как оруженосца, а уже – как воина. Язык у нас похожий, да и одним богам молимся. Так я стал всадником – скифом.

– А что это за всадники-скиф?

– Персы и эллины называют нас скифами, всех, кто пришел с севера.

– Но ты – отличный воин, – с уважением произнес Исмен. – Ты одолел языка. Я видел, как он разделался с четырьмя роксоланами. А роксоланы драться умеют. Тебе, наверное, нет равных.

– Несмышленный ты еще. Даже для самого сильного воина всегда найдется достойный противник. Я поведаю тебе одну древнюю легенду, что веками пересказывают старики в наших горах. Жили в одном горном селении три брата, – начал он. – Они до того были сильными, что, когда пастухи собирались на праздниках и затевали борьбу в честь бога Савра, никто не мог их одолеть. Местные юноши даже не вызывали их на поединок. Что толку, все равно на спине окажешься, а то и шею свернут. Возгордились братья. Старший и говорит младшим: «Что мы друг с другом вечно силой меряемся? В округе нет никого сильнее нас. Давайте перейдем через перевал и поищем достойного противника». «Давай поищем, – согласились младшие братья. – Все равно не найдем никого сильнее». Поутру братья собрали котомки с сыром и лепешками. Закинули котомки за плечи и пошли к перевалу. Попали они в другую страну. Кругом деревья небо подпирают. Трава выше головы, а пчелы величиной с ворону. Удивлялись братья. И вдруг видят, навстречу им идут три великана. Братья им по пояс. «Что надо вам тут, карлики?» – спросили великаны, да так, что братья чуть не оглохли. Ответил старший: «Мы самые сильные в наших горах. Нет нам равных в борьбе. Вот, пошли искать людей сильнее». Рассмеялись великаны, да так, что горы задрожали. «Мы самые сильные», – сказали они. – А вы теперь будете невольниками служить. Пасти наших овец и делать нам сыр». Схватили братьев и связали.

²⁷ Фаланга (греч. *φάλαγγξ*) – боевой порядок (строй) пехоты в Древней Македонии, Греции и ряде других государств, представляющий собой плотное построение воинов, в несколько шеренг. Непосредственно в бою принимают участие только первые шеренги (в зависимости от длины используемых копий).

²⁸ Сарисса, сарисса – длинное ударное копье, пика. Впервые получила известность в Македонии со времени Филиппа, отца Александра Македонского. Само слово типично македонское и, как полагают некоторые исследователи, первоначально обозначало древко копья. Античные авторы римской эпохи употребляли название «сарисса» для обозначения разных типов македонских копий, не только для длинной пика.

²⁹ Кардаки – пешие воины, вооруженные копьями и круглыми щитами.

³⁰ Гоплит – древнегреческий тяжёловооружённый пеший воин. Название происходит от названия тяжёлого круглого щита – гоплон

³¹ Сузы – один из самых древних городов мира, основанный по оценкам около 4000 до н. э., первые следы обитания датируются 7000 до н. э.. Расположен на территории современной провинции Хузестан в Иране. Керамика с рисунками, найденная при раскопках, датируется 5000 до н. э.. В V веке до н. э. – богатая столица Сузиань, резиденция первоначально эламских, затем персидских царей (Ахеменидов).

³² Массагеты – собирательное имя, используемое античными авторами для обозначения среднеазиатских кочевых и полукочевых племен в описаниях скифов. Культура массагетов тесно связана с саками настолько, что точно идентифицировать принадлежность археологических памятников невозможно – используется термин «культуры сако-массагетского круга». Предполагается, что массагеты говорили на одном из иранских языков. Основные очаги культур сако-массагетского круга – зоны Центрального и Восточного Казахстана, Приаралья, Семиречья и Памира.

Идут великаны, радуются неожиданной добыче. Как вдруг перед ними выросли два толстых высоких столба. Подумали, что это стволы столетних кедров. Но это оказались ноги огромного человека. Был он выше великанов на сто локтей. В его густой бороде птицы вили гнезда. Глаз у него один, второй выбит. И рука только одна. «Зачем карликов мучаете?» – грозно проревел он и уцелевшей рукой схватил за шиворот всех трех великанов, вышвырнул их в пропасть. «Кто вы такие?» – спросил он у братьев, когда те освободились от пут. Братья ему рассказали, кто они, и поведали, что отправились по свету искать самого сильного человека. Видать, уже нашли, потому как сильнее их спасителя никого нет. «Эх вы! – посмеялся гигант. – Не найдете вы самого сильного. И я не самый сильный». «Почему?» – удивились братья. «Видите, у меня глаз выбит, и рука оторвана?» – спросил великан. – Однажды я еще с двумя своими братьями, как и вы, ходил в горах. Заблудились мы и попали в странное место: все нам показалось огромное. Застала нас гроза. Спрятались в пещере. А когда гроза прошла, выглянули, и увидели: это вовсе не пещера, а глазница черепа горного барана. Слышим, земля сотрясается так, что с вершин камни срываются. И тут к нам подходит пастух. Огромный. Голова его в облаках прячется. Камни под его ногами в песок рассыпаются. Заметил он нас и решил изловить. Мы обратно в череп попрятались. Тогда он пальцем нас пытался выковырнуть. Вот тогда мне руку оторвал и глаз выколол. А ту кто-то как закричит на него, да так, что горы ходуном заходили: «Опять озорничает?» – гремит голос. – Вот поймаю тебя и на солнышко закину». Испугался пастух и убежал в страхе. Кто нас избавил от смерти, мы так и не разглядели, потому, как он до того огромен был, что стоял за горами, а тело его скрыли облака. Так, что идите домой и не ищите больше самого сильного», – закончил рассказ Фидар. – Вот так, Исмен, никогда не хвастайся силой, но и на других силачей не смотри, как на непобедимых.

Половина багрового шара осталось торчать над виднокраем. Редкие облака оранжевыми пятнами застыли на небе. Холодный ветер усиливался.

– Впереди кочевники идут, – заметил Исмен.

Фидар взгляделся.

– Похоже на то. Только скота не видно – одни телеги. Это не кочевники. Торговый караван.

Они подъехали ближе. Длинная вереница тяжелых повозок медленно ползла по дороге. В повозки были впряжены по паре сильных волов. Колеса высокие, но не сплошные, как у кибиток, а с толстыми спицами. Исмен удивился, когда заметил медью оббитые обода. Роскошь!

Караван возглавляли двое кочевников на низких коренастых лошадках. Кочевники и сами были под стать своим скакунам: невысокого роста, но широкоплечие. Островерхие шапки из овчины на головах. Кожаные грубые куртки. Мягкие кожаные сапоги, перетянутые крест-накрест шнуром. Анаксириды³³, вытертые на коленях. За спинами торчали гориты, в руках короткие копыя.

Заметив путников, кочевники двинулись к ним. Два крепких охранника в длинных персидских рубахах тонкого льна, с короткими копиями и круглыми деревянными щитами отделились от каравана и поспешили следом.

– Вы из какого племени? – крикнул один из кочевников.

– Мы не из этой степи, – ответил Фидар. – Идем к Дону. Я из аорсов.

– Из аорсов? – удивился кочевник. – Далеко же тебя занесло. Эти степи теперь принадлежат языгам. Мы из клана Белых Зайцев. Сопровождаем караван персидских торговцев.

– Что надо аорсам в нашей степи? – спросил второй кочевник.

– Мы с миром, – успокоил их Фидар.

– Коли с миром, проезжайте дальше. Вон там, возле реки становище роксоланов.

– Я так и сделаю, но прежде хотел бы переговорить со старшим караванщиком.

³³ Анаксириды-кожаные штаны, приспособленные для верховой езды.

– Зачем тебе старший? – К охранникам подошел высокий мужчина в длинной одежде, расшитой пурпурными нитями. Раньше Исмен никогда не видел рубахи из такой тонкой ткани с красивым узором по краю. Матерчатый широкий кушак украшали кисточки. Сапоги кожаные, высокие с острыми загнутыми носами. Лицо светлое, с большим горбатым носом, в обрамлении густой, аккуратно подстриженной бороды.

– Дело есть к нему.

– Я веду караван.

– Вы же идете в город Танаис³⁴, – догадался Фидар.

– Возможно, – уклончиво ответил старший.

– Будете проходить через город Артар.

– Это надо у наших провожатых осведомиться, – Он вопросительно взглянул на кочевников.

– Завтра к вечеру, если ничего не случится, попадем в Артар, – доложил кочевник. – Город языгов. Владеет им клан Оленя.

– Я хочу попросить, чтобы вы доставили тело воина в Артар, – сказал аорс.

Один из кочевников приблизился к Исмену, внимательно оглядел тело, лежащее поперек коня, откинул край плаща, закрывавшего голову, и посмотрел в лицо убитого.

– Это же..., – отшатнулся он. – О, Савр побеждающий!

– Кто там? – второй кочевник подъехал к нему. – Орик из клана Оленя, – узнал он. О, Боги! Кто его убил?

– Я, – просто ответил Фидар. – Да не гляди на меня, как волк на быка. Мы бились честно. Беру Савра в свидетели.

– Нам то что, – глухо ответил один из кочевников. – Мы из другого клана.

– За что ты его? – спросил старший торговец.

– Наше с ним дело, – нехотя ответил Фидар. – Не дрожи. Я не разбойник.

– А чем докажешь? – не поверил ему караванщик.

Фидар протянул ему маленький мешочек из тонкой кожи.

Торговец взял мешочек, распустил шнурок и высыпал содержимое на ладонь. Глаза его вспыхнули.

– Ого! Золотые монеты. Из Ольвии. На это можно купить не меньше ста амфор зерна.

– Они твои, – сказал Фидар. – Были его, теперь твои. Я ни одной не взял.

– За что платишь? – не очень охотно согласился торговец, пересыпав монеты обратно в мешочек.

– Доставь тело в город Артар.

– А меня там не порубят на куски?

– Нет. Скажи, что Фидар-ксай убил Орика в честном бою. Да вот, твои провожатые подтвердят: я поклялся Савром.

Торговец колебался, но золото так и жгло руку.

– Хорошо, – наконец согласился он.

Тело языга перегрузили на одну из телег с товаром. Краем глаза Фидар заметил, как кочевники, отдалившись, о чем-то горячо спорят. Потом один из них подъехал к старшему торговцу и что-то ему шепнул.

– Ну, что ж, храни вас Папай, – пожелал Фидар и повернул коня.

– Погоди, – остановил его торговец, изобразив на лице фальшивую улыбку гостеприимного хозяина. – Куда ты собрался на ночь глядя. Слезайте с коня. Мы, как раз, становимся на ночлег. Угощу вас мясом и пивом.

³⁴ Танаис – античный город (III в. до н. э. – V в. н. э.) в устье р. Дон.

Фидар хотел отказаться, но заметил, как провожатые кочевники пристально следили за ним. Наверняка решили выследить и напасть в темноте. По повадкам видно – им не впервой разбоем заниматься. Да и степь они знают – каждую травинку.

– Спасибо, добрый человек, – улыбнулся в ответ аорс. – Я приму приглашение.

Караванчики сгоняли телеги с дороги, распрягли волов, разворачивали пестрые полотняные шатры. Возле повозок с товаром выставили охрану. Запылали костры. Котлы весело забурлили.

Купол неба совсем потемнел и вспыхнул разноцветными звездами. Фидар и Исмен расположились возле огня. Прямо из кипящего котла, повар навалил им в глиняные миски мяса. Рядом присел старший над караваном и предложил Фидару глиняную баклажку в виде барана с пивом.

– Откуда идете? – спросил у торговца аорс.

– Из Персии. Прокладываем новый путь через Аланские ворота³⁵.

– Постой, – аорс отставил миску, напряженно наморщил лоб. – Вы шли мимо двуглавого седого Эльбруса?

– Да. А тебе знакомы те места?

– Я родом из долины с тремя реками. Там плоская гора святой Румы, а рядом есть скала, подобна кольцу...

– Местные жрецы прощаются с солнцем у этой скалы, а утром встречают его там же, – подтвердил торговец.

– Ты был там? – встрепенулся Фидар.

– Мы не останавливались в долине трех рек. Но могу уверить тебя, там царит мир и счастье. Я видел кругом тучные стада и возделанные поля. Люди приветливые: никто нам не угрожал и лишнего не требовал.

– Ох, торговец, если бы ты знал, как долго я не был на родине!

– Мне ли не знать! – хмыкнул торговец. – Я всю жизнь провожу в дорогах. Но самая лучшая та, которая ведет к родному дому.

Исмен улегся под одной из повозок. Подтянул колени к груди, а руки положил под щеку. Тут же к спине привалился теплый Репейник. Как только мальчик оказался один, так сразу тяжелые мысли одолели его. Что с ним теперь будет? Куда он идет? Зачем? Стоит ли доверять этому аорсу? Даже если они доберутся к Дону, что его ждет на том берегу? Плен, рабство, смерть? Хоть бы Папай дал ответ... Сон оборвал мысли. Ему показалось: он только прилег, но его уже кто-то тряс.

– Вставай. Нам пора.

Исмен с трудом разлепил глаза. Кругом темень. Небо на востоке даже еще не светлело. Холод пробирал до костей. Только спина теплая, где прижимался Репейник.

– Поднимайся же, – торопил Фидар. – Приведи коней. Только тихо, чтобы ни одна душа тебя не заметила.

Мальчик встал, размял затекшие ноги. Коней нашел в загоне. Фидар ожидал его у крайней повозки, на которой лежало тело языга. Он уже приготовил небольшие кожаные мешки с припасами, что выменял у торговцев. Фидар надел себе через плечо пеструю перевязь с копьем. Приладил за спину прямоугольный щит языга. На чепрак впереди прицепил длинный чехол и вставил в него копьё.

– Умеешь обращаться с луком? – тихо спросил он, протягивая Исмену горит Орика, обтянутый шкурой рыси.

– Я стрелял лучше всех мальчишек в нашем становище, – похвастался Исмен.

³⁵ Аланские ворота – Дарьяльское ущелье реки Терек в месте пересечения Бокового хребта Большого Кавказа, к востоку от горы Казбек.

Горит был тяжелый, наполненный стрелами. Исмен погладил пушистую шерстку горита, ощупал металлические бляхи. Дорогая вещь, красивая.

– А этот лук сможешь натянуть?

Исмен вынул небольшой лук. Отличное оружие для наездника. Сделан из крепкого кизилового дерева и укреплен проточенными рогами горного козла. Тетива, крученная из жил. Тугая. Исмен попробовал натянуть. Трудно.

– Кольцо надо на большой палец, – сообразил Фидар. – Сними с языга.

Исмен нашел ледяную руку убитого. Превозмогая ужас и отвращение, попытался стянуть широкое бронзовое кольцо. Но пальцы у покойного уже начали распухать, и кольцо не поддавалось.

– Дай попробую. – Фидар ножом отрезал фалангу, снял кольцо, а палец засунул покойному за пазуху. – Прости, – извинился он перед языгом и протянул кольцо Исмену. – Оно ему не понадобится. Я бы и панцирь его взял. Хороший, крепкий, но на груди мне узковат будет. Пусть его в нем и похоронят.

– А шлем себе не возьмешь? – спросил мальчик.

– Нет. Он мне не подойдет. Посмотри, какой у него череп вытянутый. Языги мальчикам в младенчестве голову туго перебинтовывают. Поэтому у них у всех затылки вытянутые.

– Зачем они так делают?

– Чтобы отличаться от остальных, наверное, – пожал плечами Фидар. – Давай поторопимся. Я заметил, как один из провожатых куда-то ускакал. Наверное, спешит в Артар обменять нас на лисью шапку.

Путники покинули спящий лагерь и выехали на дорогу. Впереди чернота. Народившийся месяц висел тонкой полоской в окружении сияющих звезд. Вдруг впереди вспыхнули огни факелов и метнулись к ним наперерез. Путь преградили стражники из охраны каравана с копьями в руках.

– Пропустите нас, – потребовал Фидар. – Мы ничего у вас не украли.

– Куда же ты так спешишь? Даже не попрощался.

Вперед вышел старший торговец.

– Не хотел будить. А дорога мне предстоит долгая, поэтому и собрался затемно, – ответил Фидар.

– Я, вот, что подумал: может, вместе с нами отправишься в город языгов? Сам расскажешь: кто ты, как убил ксяя, и за что, – угрожающим тоном предложил старший торговец. Сзади тихо подъехал один из кочевников-проводников.

– Я тебе заплачу, – напомнил ему Фидар. – Что еще нужно?

– Заплатил, – согласился торговец. – Да только, думаю, мне еще больше дадут за твою голову.

– Лучше отпусти меня, – холодно произнес Фидар. – Убью, ведь.

– Испугал, – ухмыльнулся торговец и крикнул охранникам: – Стащите его с коня и свяжите. Мальчишку – тоже.

Пять наконечников уперлись аорсу в грудь.

– Сдаюсь!

Он медленно развел руки в стороны, показывая, что не намерен сопротивляться. Старший торговец подошел ближе и потянулся за его мечом. Но Фидар вдруг сгреб все пять копий в охапку, ударил пятками в бока коню. Животное рванулось вперед. Копьеносцы от толчка попадали на землю, а Фидар выхватил копие, развернулся, подлетел к старшему торговцу и рубанул его по голове. Один из охранников подкрался сзади, готовый вонзить копье в спину аорса. Исмен не дремал. Он уже держал лук в руках. Стрела насквозь пронзила шею охранника. Кочевник бросился на Исмена. Но тут Репейник вынырнул из травы и вцепился в ляжку

коню. Скакун кочевника рванул в сторону. Проводник слетел на землю. Стражники разбежались, побросав оружие.

– Уходим, – коротко бросил Фидар.

* * *

Кругом простиралась необъятная степь без конца и без края. В низинах над речушками стелился белесый туман. Солнце медленно выкатывалось на небо. Позолотило ковыль оранжевыми лучами. Роса вспыхнула алмазами.

Кони шли быстро. Репейник трусил сзади, высунув розовый язык. Иногда останавливался, оборачивался и внимательно нюхал воздух, после вновь пускался вдогонку за всадниками.

– Фидар, – окликнул Исмен.

– Чего?

– Как ты смог отбиться от пятерых?

– Схитрил. Если были бы настоящими воинами – нам не уйти. Караванчики из жадности набрали всякий сброд для охраны. Но и ты молодец – не оплошал. И пес твой похвалы заслуживает.

Фидар попридержал коня, подождал, пока его догонит Исмен, как-то странно посмотрел на мальчика и глухо произнес:

– Давай повернем на запад.

– Зачем? – не понял Исмен.

– Там живут по берегу Днепра мирные племена охотников и землепашцев. Они примут тебя.

Исмен помрачнел.

– Хочешь избавиться от меня?

– Не в этом дело. Пропадешь ты со мной. Вот, погляди. – Он закатал рукав льняной грязной рубахи. На плече чернела тагуировка в виде толстой вертикальной черты, а от нее наискось вправо и вниз отходит короткая черта. – Знаешь что это?

– Нежить, – ужаснулся Исмен.

– В том-то и дело. У языгов жрец меня пометил знаком богини смерти и заклинание наложил. Теперь я Маре принадлежу. Я – мертвец.

– Зачем они это сделали?

– Чтобы не сбежал. Всех плененных воинов так метят. У них недалеко от города алтарь Мары есть. Пока я находился недалеко от алтаря – Мара меня не трогала. Но коль я вырвался, волком идет по следу, птицей наблюдает за мной с небес. Поймает, и тебе не уйти. Так что, поворачиваем.

– Нет! – упрямо мотнул головой Исмен. – Ты меня спас, я теперь с тобой – до конца. Суждено попасть в лапы Мары, значит – такова воля Папайя.

– Зачем тебе умирать? Ты еще совсем юн.

– А что я буду делать в чужом племени? Стану нищим пастухом? Я там всю жизнь проживу чужаком. Ладно, у дядьки жил, думал: он мне чем-нибудь одарит, когда вырасту. А от чужих людей чего мне ждать? Нет! Возьми меня в оруженосцы. Я хочу стать воином, – в конце потребовал Исмен.

– Не возьму, – отрезал аорс. – Мал ты еще.

– Но ты же сам говорил, что мне пора своего коня иметь.

– Говорил, – согласился Фидар.

– Так почему теперь меня гонишь?

– Понимаешь, – замялся Фидар, – мы из разных народов. Ты из сираков, я из аорсов...

– Но у нас даже язык похож. И боги у нас одни.

Исмен чувствовал, что дело совсем не в его возрасте и не в принадлежности к иному племени. Фидара смущает что-то другое. Аорс тронул коня. Долго ехал молча, наконец, сказал:

– Как бы это лучше объяснить? Я плохо знаю тебя. Когда воин берет на обучение юношу, он должен знать все его достоинства и слабости, чтобы правильно преподнести науку. Обычно, отцы обучают сыновей. Представь: я назову тебя своим учеником и перед богом Савром дам клятву вырастить из тебя ксяя. Завтра на пути попадетс какой-нибудь воин, который захочет помериться с тобой силой. Он одолеет тебя, а потом всем будет хвастаться, что победил ученика Фидара.

– Я понял, – буркнул обиженно Исмен.

– Прости, – сказал аорс. – А теперь, давай поторопимся. Солнце уже высоко. Наверняка кочевник уже прискакал в Артар. По нашему следу отправят погоню.

Они вышли к реке. Течение не сильное, но русло широкое. Берега густо поросли камышом.

– Ты знаешь эти места? – спросил Фидар.

– Знаю.

– Где брод?

– Возле становища роксоланов.

– Нам нельзя там показываться, – покачал головой Фидар.

– Тогда придется поворачивать на север, выше по течению.

– Далеко?

– К закату успеем.

В верховьях реки степь прерывалась жидкими рошицами. Местами в оврагах попадались непроходимые заросли кустарника. Молодые деревца кучками теснились на возвышенностях. Живность так и сновала под ногами. Репейник рыскал то справа, то слева. Щелкал зубами, пытаясь поймать зайца. Лоси пугливо таращились из зарослей. Один раз в густом малиннике заметили медведя. Спугнули небольшое стадо оленей.

Наткнулись на овражек, густо поросший боярышником. По дну бежал ручей. Спешились. Напоили коней. Перекусили лепешками с сыром. Немного отдохнули, лежа на сырой земле, и переводя дух от долгой скачки. Но Фидар торопил. Нельзя задерживаться. И без того крюк сделали. Он с удивлением заметил, как Исмен размотал с пояса длинный кожаный ремень, сделал на обоих концах небольшие петли и перекинул ремень через спину коня.

– Это зачем? – спросил он.

– Ноги ставить, – ответил мальчик. – Мы всегда так делали, когда совершали длинные переходы. Ночью приходилось верхом спать. Если ногам есть опора, то не свалишься во сне.

– А не мешает лошадю управлять?

– Нет. Наоборот, задницу меньше отбиваешь. А когда из табуна коней отлавливаешь, намного удобней метать аркан. Чуть привстаешь и кидаешь.

– Надо же, – удивился Фидар. – никогда такого не видел. Дай-ка я тоже так сделаю. Посмотрим.

Он отцепил от меча перевязь. Ножны кожаным шнуром привязал к поясу. Из перевязи попробовал сделать петли.

– Нет, – посоветовал Исмен. – Надо выше петли делать, чтобы опора лучше была.

– Вот так?

– Так – высоко. Колени будут уставать.

Вскоре приладили ремень. Фидар влез на коня, сунул ноги в петли, попробовал пристать. Покрутился. Наклонился в одну сторону, в другую...

– Удобно, – признал он.

Как и говорил Исмен, к закату они подъехали к месту, где речка заметно мелела, обнажая каменистое дно. Путники направили коней к броду. В воздухе послышался запах дыма.

– Чувствуешь? – насторожился Фидар.

– Кости жгут. Наверное, становище рядом, – предположил Исмен.

Вдруг впереди сверкнул костер. Человек пять охотников сидели вокруг огня. Их кони паслись рядом. Тут же лежала туша подстреленного оленя. Охотники заметили путников.

– Роксоланы, – Исмен повернул назад.

– Ну, вот, нарвались, – посетовал Фидар, но остался на месте. Он и не думал удирать.

Между тем охотники бросились к своим коням, надеясь отрезать беглецам путь к броду.

Исмен с тревогой взглянул на Фидара:

– Их пятеро. Скорее уходим?

– Куда? Не успеем, – остановил его аорс. Неторопливо выдернул из чехла копьё, перекинул щит со спины на левую руку. Сам не отрывал взгляда от роксоланов, оценивая силы противника. – Слушай внимательно: держись сзади и чуть правее меня, – сказал он, не оборачиваясь. Слова прозвучали твердо, словно били камнем о камень. – Если за тобой погонятся, падай на холку и скачи во весь опор. Конь быстрый, ты легкий – один уйдешь.

– Понял. А как же...

– Ничего ты не понял, – жестко прервал его Фидар. – Удирать будешь, если меня собьют с коня. Сейчас доставай лук, да целься лучше. Смотри, чтобы руки не дрожали. Вон, видишь того, самого крайнего справа? Он сидит немного боком. Это значит – стрелок. Точно! К гориту потянулся. Его ты должен снять до того, как он тетиву натянет. Слева крайний. Заметил? У него копьё легкое. Попробует метнуть в меня. И его ты должен сбить. На все у тебя – два взмаха крыла утки. Не успеешь – мы убиты.

– Я постараюсь, – пообещал Исмен, дрожащим от волнения голосом, выхватил лук и поправил на большом пальце широкое кольцо с канавкой посередине.

– Уж постарайся, – процедил Фидар сквозь сжатые зубы и тронул коня смело вперед.

Охотники двинулись им навстречу широкой дугой. Трое всадников, те, что в середине выставили вперед копьё.

– А щитов то у них нет, – заметил Фидар. – Они охотились, а не нас ждали.

Всадник справа достал из горита стрелу. Левый взвешивал на руке легкое копьё, примеряясь метнуть его.

Между беглецами и роксоланами оставалось шагов двадцать, когда Фидар неожиданно рванул вперед, низко пригнувшись к холке коня. Враги не ожидали такого стремительного натиска. Даже Исмен растерялся, но тут же опомнился и рванул следом. Он быстро вложил стрелу. Не целясь, спустил тетиву. Лучник свалился с пробитым плечом. Левый всадник уже готов был бросить копьё в летевшего навстречу Фидара. И на этот раз Исмен опередил его. Тяжелая стрела с трехгранным наконечником прошла горло роксолану.

Фидар наскочил на первого всадника. Тот оробел, попытался отвернуть, неуклюже замахнулся копьём, но ударить не успел. Фидар вогнал наконечник в живот. А конь аорса грудью налетел на коня противника и свалил его вместе с всадником. Древко громко треснуло. Аорс тут же отбросил обломок и выхватил копие. Второй всадник метил копьём ему в лицо, но Фидар ловко увернулся и рассек голову роксолану. Тут же получил от третьего сильный удар в щит. Резко развернул коня и оказался за спиной у нападавшего. Роксолан испугался, попытался ускакать в степь. Фидар догнал его и рубанул наотмашь.

– Узнаешь? – спросил аорс у подскакавшего Исмена.

На земле лежал юноша лет двадцати в добротной кожаной одежде. На широком боевом поясе медные бляхи. На бляхах кресты с завитушками.

– Старший сын Скопаса.

– Ну, мы дел натворили, – мрачно вздохнул Фидар. – Теперь роксоланы нам будут слать самые страшные проклятия. Посмотрим того, что ты первого подстрелил. Кажется, он еще жив.

Лучник роксоланов лежал на земле без памяти. Стрела вошла под правую ключицу, пробила грудную мышцу и, скользя по ребрам, вышла из спины. Когда Фидар осматривал рану, роксолан очнулся и застонал.

– Мальчишка еще, – пожалел его аорс. – Только усы прорезались. – Обратился к Исмену: – Можешь перерезать ему горло или оставить в живых – выбирай.

– Я не буду раненому резать горло, – возмутился Исмен.

– Ты же хотел стать ксаем. Ксай не должен жалеть врага, – упрекнул его Фидар.

– Разве ксай может убить беззащитного? Пусть живет.

– Ты его подстрелил, – тебе решать, – пожал плечами Фидар. – Но учти: оставив врага в живых, рискуешь, когда-нибудь с ним встретиться вновь. Если окажешься в его нынешнем положении, а он сверху с ножом в руках – пожалеет ли он тебя?

Исмен потянулся к правому бедру, достал нож. Нагнулся над пленником и приставил острие к шее, там, где билась жилка. Мягкая плоть податливо прогнулась под острием. Фидар внимательно наблюдал за ним. Рука дрогнула. Исмен резко встал.

– Не могу я его убить, – упавшим голосом произнес он.

Они отнесли раненого к костру, обломили наконечник стрелы и выдернули древко. Юный роксолан вскрикнул, выгнулся, но тут же затих, провалившись в беспамятство. Фидар аккуратно прижег рану раскаленным ножом, наложил повязку с листьями какой-то травы и оставил беднягу в покое.

– Едем, – поторопил он Исмена. – Этот очухается к утру и доберется до своих. Возле костра звери его не тронут.

– Ты не будешь просить у убитых прощения? – поинтересовался мальчик.

– Надо бы, – кивнул аорс.

Но на этот раз Фидар не читал молитвы, а просто обмакивал палец в кровь и на лбу каждому убитому выводил знак богини смерти – нежить. Покончив, он вскочил на коня. На боку у него красовался акинак старшего сына Скопаса.

– Хороший меч, – похвалил Фидар. – Клинок тонкий и длинный. Рукоять точно под мою ладонь.

– Разреши, я тоже возьму себе меч, – попросил Исмен.

– Выбери, – согласился Фидар.

Но клинки были только у двоих. Исмен подобрал их и принес Фидару оценить: какой из них взять. Аорс осмотрел мечи, недовольно покачал головой:

– Не под твою руку, да и сделаны плохо. Я бы кузнеца, что ковал их, хорошенько отстегал плетью. Только у сына Скопаса акинак хороший был, – он похлопал по ножнам на боку. – По виду – меч сколотов. А эти... Оставь их. Возьми лучше мой копис. И коня одного поймай. На него поклажу навьючим. Так быстрее пойдем. Копье себе возьми, вон то – полегче.

Перешли брод быстро, хотя и течение в середине русла оказалось сильное. Выскочили на противоположный берег и пустили коней рысью. Впереди ехал Фидар. Сзади – Исмен. Вьючную лошадь он привязал длинным поводом к чепраку.

– Ты хорошо придумал с этим ремешком, – оглянулся Фидар и указал на ноги, что опирались в петли ремня, перекинутого через чепрак.

– Это не я, – ответил Исмен. – Сираки давно так делают.

– Все равно – удобно.

– Как тебе удалось свалить всадника вместе с конем? – спросил Исмен, вспомнив натиск аорса.

– В Персии научился. Тут главное – не струсить, переть до конца. Роксолан в последний миг оробел и попытался отклониться в сторону. Дернул коня, конь оказался в неустойчивом

положении, вот я его и сшиб. Если бы на его месте был перс, он ни за что бы не отвернул. Кинулся бы навстречу. Персы – бесстрашные воины.

Вечерело. Сумерки сгущались. Еще и небо вдобавок затянуло пеленой серых низких облаков. Кони притомились, то и дело спотыкались.

– Остановимся, – решил Фидар. – Темнеет: с пути собьемся. Да и скакунам надо отдохнуть.

Коням спутали передние ноги и отпустили пастись под охраной Репейника. Сами перекусили лепешками с сыром. Ножами нарезали охапки травы, соорудили нехитрое ложе. Улеглись и тут же заснули.

Чуть занялся восток, Фидар растолкал Исмена. Стелился низкий туман. Солнечный свет едва пробивал белесую завесу. Воздух казался липким, неприятно обволакивал лицо. Одежда пропиталась влагой. Беглецы вновь продолжили путь. От росы ноги всадников тут же намokли по колено.

Вдруг Фидар резко осадил Уахуза, схватился за копье и перекинул щит со спины на левую руку. Исмен тут же потянулся к гориту.

– Ничего не пойму. – Фидар пытался разглядеть что-то в тумане. Дымка неохотно рассеивалась, и впереди показались неясные очертания всадников. Сначала один, потом еще трое, потом еще... Девять! Они стояли неподвижно, тихо, как будто поджидали их – Поворачиваем! – Крикнул аорс.

– Стой! – успокоил его Исмен. – Это не люди.

– Кто же тогда?

– Хранители покоя. Мы выехали к похоронным курганам.

Исмен смело направился вперед. Из тумана выплыл высокий курган, сложенный из камней и земли. Верхушка его чернела от углей погребального костра. По кругу курган охраняли девять всадников. Когда Фидар подъехал ближе, то увидел коней, сделанных из жердей и соломы, а сверху обмазанных глиной. Всадники тоже из соломы и глины.

– Могильник свежий. Кого охраняют эти чучела? – поинтересовался аорс.

– Скопаса, – узнал Исмен место, где недавно сидел со связанными руками. – Живым за этот круг заходить нельзя. Там – правит Мара. Кто переступит черту, того ждут страшные беды, а в конце – мучительная смерть.

– Неужели? – усомнился Фидар.

– Большая Мать роксоланов совершила страшные заклинания. Видишь, куски серы валяются кругом.

– Нам можно, – беззаботно махнул рукой аорс. – Мы уже убитые. Хотя, что нам нужно от мертвого Скопаса? Поехали дальше.

– Погоди.

Исмен соскочил с коня и решительно направился к кургану. Вход в могильник преграждал большой плоский камень. Исмен схватился за верхний его край и попытался отвалить.

– Не тревожил бы ты мертвого. Мстить надо живым, – посоветовал Фидар, неодобрительно глядя на потуги мальчика.

Но Исмен продолжал пытеть, настойчиво пытаясь сдвинуть камень. Фидар недовольно покачал головой, вздохнул, спрыгнул на землю. Вдвоем они уронили глыбу. Открылся узкий темный лаз. Фидар отпрянул, с отвращением зажав нос, до того несносно пахнуло смрадом. Но Исмен, казалось, не замечал вони. Бесстрашно перешагнул запретный порог могилы. Вскоре он появился вновь, волоча за ноги тело человека.

– Да что же ты делаешь! – возмутился аорс.

– Это дядька мой, – объяснил мальчик. – Я не хочу, чтобы он на том свете прислуживал роксоланам.

– И куда ты его собрался отнести?

– Чуть поодаль находится курган моего отца. Надо его туда положить. И еще троих из моего рода.

– Тогда... – Фидар огляделся, подошел к одному из соломенных всадников и свалил его. Из внутренностей он извлек жерди, соорудил волокуши. Укрепил их на спине выючной лошади. На волокуши сложили трупы сераков. Тела распухли и страшно смердели. Хорошо хоть, что их увязали в грубую холстину. После возрождения рабы сами не имели права вставать. Только воскресший хозяин мог разрезать холстину и выпустить их.

Исмен долго стоял на коленях перед курганом отца и молился. Фидар все хотел поторопить мальчика, но не решался: пусть попросается. Кто знает, как сложится их судьба. Может, Исмену больше никогда не придется увидеть эту степь. Курган совсем зарос высоченной травой. Камень, что запирает вход, пришлось откапывать. Убитых закинули в лаз. Камень приваляли обратно и закидали землей.

Продолжили путь. Проезжая опять мимо кургана вождя роксоланов, Фидар сказал, укаывая на черневшую дыру лаза:

– Вход бы надо прикрыть.

Они спешили. Но Исмен вновь полез в могильник. Через некоторое время показался из дыры, неся в руках длинный акинак в великолепных деревянных ножнах, украшенных чеканкой и овальный щит, плетенный из прочных прутьев, обтянутый толстой воловьей кожей. За спиной горит с тугим луком и связкой стрел. Горит он передал Фидару:

– Возьми. Лук высокий. Мне неудобно из него стрелять. Тем более у меня уже есть.

– Спасибо, – кивнул Фидар, осматривая гнущее прочное дерево и тугую тетиву из скрученных жил. – Неплохой.

– Хочешь, поменяемся мечами? – предложил Исмен. – Этот акинак легкий.

– Нет, – покачал головой аорс. – Ты его нашел, им и пользуйся. Только не хорошо у мертвого воина отбирать оружие. Как же он явится к Савру без меча?

– Я ему копий оставил, – успокоил его Исмен.

Они вновь сели на коней. Исмен вынул меч, размахнулся и рубанул по шее соломенного всадника. Голова отлетела далеко в сторону, а сам всадник рухнул и рассыпался.

– Фидар! – крикнул Исмен. Глаза его горели безумием. – Ты сделаешь из меня воина?

– Я же тебе объяснил уже, что не могу. Мы из разных племен. Я тебя совсем не знаю...

– Тогда езжай один к себе в горы.

– А ты куда?

– Поеду в становище роксоланов. Пусть меня порубят на куски, но перед этим я им покажу, кто такие сираки...

Он решительно повернул коня.

– Остановись. Что ты этим докажешь? – крикнул Фидар.

– Что я не трус. И не уговаривай меня. Я не буду жить у землепашцев. Лучше погибнуть с мечом в руках, на коне, чем в обносках от голода.

– Да постой же ты! – сердито крикнул Фидар. – Хорошо, – сдался он. – Я сделаю из тебя воина. Но впредь ты должен во всем мне слушаться.

Исмен вложил акинак в ножны. С готовностью сказал:

– Я буду тебя слушаться.

– И не смей ныть, если будет трудно.

– А ты клянешься?

– Клянусь мечом, – Фидар вынул клинок и поднял его острием к небу. – А теперь, давай поспешим. И без того много времени потеряли. Как бы нам путь не отсекли.

Исмен подъехал вплотную к аорсу:

– Ты злишься на меня за то, что я проявил малодушие и не прирезал раненого роксолана?

– Нет. Ты все сделал правильно, – успокоил его Фидар. – Иногда надо вспоминать, что мы – люди, а не голодные звери. Поехали... Но еще помни о метке на моем плече. Я принадлежу Маре. Теперь и ты в ее власти. Готовься в любой момент умереть.

– Даже не дрогну, – клятвенно заверил мальчик.

Весь день провели верхом. Шли быстро. Всю поклажу: мешки с провизией, щиты и оружие несла выючная лошадь. У всадников остались только гориты за спиной, да кинжалы на бедре. К вечеру лошади выдохлись. Остановились возле небольшого спокойного озера, грозившего через несколько лет стать болотом. По берегу рос густой камыш. Стоячая вода источала вонь. Черную гладь озера почти полностью затянуло зеленой ряской. Громко квакали лягушки. Где-то крикали утки. Нашли небольшой бугорок, где теснились молодые березки и невысокие кусты барбариса.

– До полуночи сиди и слушай. Но не вздумай уснуть. Взойдет месяц, буди меня, – распорядился Фидар и лег прямо на землю, тут же уснул.

Ночь опустилась быстро, укрывая все чернотой. Темень такая, что собственных рук не разглядишь. Небо вспыхнуло яркими звездами. Исмен устал, но держался. Тер щеки, чтобы не провалиться в дремоту. Внимательно прислушивался к каждому подозрительному звуку. Кони фыркали. Фидар похрапывал. Лягушки, казалось, передразнивали храп аорса. Рядом свернулся калачиком Репейник. Иногда он почесывал ухо задней лапой, рычал и поскуливал во сне. В степи плакали шакалы. Протопало стадо оленей, уходя от хищника. Камыши зашуршали. Послышалось сердитое хрюканье.

Вынырнул месяц, похожий на надкусанный круг сыра. Стало чуть уютней от его холодного света. Исмен разбудил Фидара, а сам улегся рядом с Репейником.

Сквозь сон он почувствовал, как тело Репейника напряглось. Пес зарычал, угрожающе щелкнул зубами. В ответ раздалось недовольное фыркание. Что-то влажное, теплое и шершавое коснулось щеки. Репейник зарычал до того злобно, что Исмену пришлось с усилием воли открыть глаза. Над ним склонился его конь и пытался лизнуть щеку, но Репейник отгонял его.

– Твои друзья тебя разбудили, – усмехнулся Фидар, роясь в дорожном кожаном мешке. Извлек из его недр припасы: кусок копченого мяса и остатки сыра. – Сходи коней напои. Обойди болото, там есть речка. Я пока приготовлю завтрак.

Небо начинало светлеть. Исмен ежился от утреннего холодка. Он обогнул озеро. Под ногами хлюпала грязь. Копыта коней проваливались. Наконец вышли на сухое место. Неглубокая речушка впадала в озеро. Кони жадно припали к чистой воде. Исмен сполоснул лицо, чтобы окончательно избавиться от остатков сна. Его конь подошел и стал тыкать мокрой мордой между лопаток. Мальчик поднялся, обнял его за шею.

– Ты хочешь, чтобы я тебя погладил.

Конь ластился к нему. Большие черные глаза, обрамленные длинными ресничками, смотрели доверчиво. Исмен ласково провел ладонью по шее, потрепал гриву, приговаривая: «Хороший конь, красивый. Я назову тебя Цырда, Быстрый». Животному нравилось. Казалось, он понимал человеческий язык. Даже Репейник жалобно проскулил, выказывая ревность. А Исмен все ласкал коня. Надо же. У него никогда не было, да и не могло быть такого красивого коня. Он ни за что с ним не расстанется. «Цырда! Мой Цырда!»

Вдруг Исмен уловил запах дыма. Почудилось? Нет, точно пахнет дымом и печеным мясом. Наверное, Фидар развел костер, – подумал он, но тут же осекся, – Фидар разводить огня не будет. Опасно. Возможно, рядом становище кочевников, но не слышно ржания лошадей или криков пастухов. Собаки бы лаяли. Волы мычали. Репейник тоже насторожился, внимательно потягивая воздух влажным носом.

Вдруг выючная лошадь задрала вверх морду и громко, протяжно заржала. Где-то вдалеке ей откликнулась другая. Не раздумывая, лошадь роксоланов перемахнула через речушку и умчалась на зов. Репейник было кинулся за ней.

– Назад, – одернул его Исмен. Сомнений быть не может: выючная лошадь учуяла своих. Погоня! Преследователи совсем рядом. Дым не от костра становища. Это роксоланы, идущие по их следу, расположились на ночлег.

Исмен скорее повел Цырда и Уахуза назад.

– Ты чего такой напуганный? – удивился Фидар. Он сидел на земле и спокойно уплетал сыр.

– Роксоланы, – выпалил Исмен.

Фидар тут же вскочил на ноги.

– Тебя заметили?

– Нет, но выючная лошадь сбежала.

– Уходим.

Они гнали коней по кольшущейся степи. Поднялся сильный ветер. По небу неслись рваные облака, похожие на клочья шерсти после драки собак. Порой облака скрывали солнце. Всадники мчались без усталости. Почти лежали на холмах коней. Щиты висели за спиной. Мечи с правого боку. Слева к чепраку приторочен горит так, чтобы можно было быстро достать лук и стрелы. Копья в чехлах у правой ноги.

Иногда оборачивались и бросали быстрый взгляд назад. Исмен заметил почти у виднок-рая серые точки, словно мушки. Цепочка всадников неотрывно шла по их следу. К полудню погоня пропала. Путники перевели дух. Неужели оторвались? Перешли на шаг, дав коням чуть отдышаться. Местность пошла неровная: кругом холмы. Ветер, не переставая, гнал облака, пригибал траву к земле. Небо обещало вскоре разразиться весенней грозой.

– Отдохнем? – предложил Исмен.

– Нет. – Фидар покачал головой. – Гляди в оба глаза. Они от нас не отстанут.

Фидар спрыгнул с коня. Покопался в дорожном мешке, вытащил два камня для высека-ния искры. Начал собирать сухую траву.

– Что ты хочешь делать? – спросил Исмен.

– Поджечь степь. Ветер нам в лицо. Мы от огня уйдем, а погоня отстанет.

– Не делай этого! – ужаснулся Исмен.

– Почему?

– Ты не знаешь, что такое пылающая степь. При таком ветре, на несколько дней пути все вокруг выгорит.

– Ну и пусть.

– А если где-то рядом становища? Скот погибнет, люди сгорят. Нельзя поджигать степь.

– Но иначе нам не уйти, – настаивал Фидар.

– Степь живая, она нам потом отомстит. Лучше не гневить ее. Убери камни! – твердо попросил Исмен.

– Как знаешь, – сдался Фидар.

Обогнув невысокий холм, они нос к носу столкнулись с роксоланами. Развернулись и погнались коней прочь. Роксоланы следовали по пятам. Фидар скакал впереди. Он вытащил лук и выстрелил. Стрела прошуршала над головой Исмена. Один из преследователей вскрикнул.

Исмена ощутил сильный толчок в спину. Еще толчок. Чуть не свалился. Кинул быстрый взгляд назад. Его настигал всадник и пытался достать пикой, но попадал в щит. Исмен отпустил вожжи, выхватил лук со стрелой, обернулся, натягивая тетиву. Всадник заметил угрозу и вильнул в сторону. Но Исмен сумел послать стрелу ему в бедро.

Следом за Фидаром мальчик нырнул в густой низкий лесок. Ветви хлестали по лицу, цеплялись за одежду. Наконец впереди открылось ровное поле с высокой травой. Исмен подстегнул коня, выскочил на простор, но Фидара нигде не увидел. Только что скакал перед ним и вдруг, как сквозь землю провалился. Цырда взвился в прыжке. Исмен на короткий миг заметил в густой траве аорса. Хитрый воин уложил коня на землю и закрыл ему рукой глаза. Исмен

все понял. Взял немного вправо, отвлекая погоню. Пятеро всадников вылетели следом из леса и бросились за ним. А сзади тут же пристроился Фидар с копьем в руке. Один из преследователей вскрикнул, свалился. Погоня пришла в замешательство, сбавила ход. Фидар настиг второго роксолана и ударил его в голову. Исмен смело развернул коня, Стрела уже лежала на тетиве. Выстрел! Роксолан с пробитой грудью упал на холку и пытался удержаться. Конь понес его в степь.

Оставшиеся двое преследователей бежали.

– Упустили, – посетовал Фидар. – Наверняка, они не одни. Рыскают небольшими отрядами по степи. Теперь нас выследили. Надо гнать коней, не жалеть, иначе – не уйти.

Только сейчас Исмен заметил, что нигде нет Репейника.

– Репейник отстал, – встревожился он.

– Ничего с твоим псом не будет. Догонит, – успокоил его Фидар. – Самого не задели?

– Нет, – мотнул головой Исмен.

Опять неслись по бескрайней степи. Куда не глянешь – везде один и тот же травяной ковер. Изредка попадались холмы или овражки. Цыр под Исменом начинал храпеть и сбиваться с шага.

– Фидар, – крикнул мальчик, – кони устали. Загоним. Надо передохнуть.

– Надо, – нехотя согласился аорс.

Они спешили.

– Местность какая неудобная, – огляделся Фидар. – Степь ровная. Нас отовсюду видно. Хорошо, хоть трава по грудь. Надо бы лесок найти или холмик.

– Нет тут ничего, – разочаровал его Исмен. – Равнина тянется до самого Дона.

– Откуда ты знаешь?

– Это наши зимние пастбища.

– Тогда жди, что нас поймают. Да еще небо какое мрачное. Как бы гроза нас не накрыла.

– Накроет, – уверенно сказал Исмен, заметив, что ветер стихает, а воздух становится тяжелым, душным.

– Промокнем же.

– Надо коней укрыть.

– Как?

Исмен вынул нож и принялся срезать охапками высокие стебли травы. Фидар тоже взялся за дело. Снопки плотно связывали с одного края и, распушив, одевали на круп коней. Когда кони полностью, кроме головы были укрыты вязанками из травы, каждый из путников надел на голову такой же сноп. Все тело оказалось укрыто, только голени оставались наружу.

– На кого я похож? – усмехнулся Фидар.

– Зато не сразу промокнем.

Как будто в ответ яркая молния змеей вонзилась в землю. Степь содрогнулась от раската грома. Крупные капли с шелестом упали в траву.

– Теперь молись, чтобы копыте громовержца Савра не сразило нас, – сказал Фидар.

Дождь лил весь остаток дня и всю ночь. Порой струи налетали плотными волнами. Земля раскисла. Копыта скользили. От грома закладывало уши. Молнии слепили. Только к утру гроза отступила. Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался.

Измученные, промокшие и продрогшие путники встретили рассвет на берегу широкой реки. В серых предрассветных сумерках слышался плеск воды. Высокие заросли камыша затянули прибрежную полосу. Темная гладь реки казалась неподвижной, мертвой. Вдалеке неявно проявлялся высокий противоположный берег.

– Дон! Дон! – как заклинание произнес Фидар. – его усталое лицо, просияло. Он расправил плечи и подбодрил Исмена: – Там нас ждет свобода.

Они скинули с себя и с лошадей охапки промокшей травы. Тут же холодный ветер пробрал до костей.

– Но как мы переправимся? – ужаснулся мальчик. – Река широкая.

– Поищем брод. Савр – громовержец нас выручил. Хоть и самих намочил, но помог от погони оторваться. Теперь у нас есть время поискать переправу. Ты когда-нибудь был на той стороне?

– Нет. Тот берег – чужой. Земля принадлежит сколотам. Они не любят чужаков. – В голосе прорезался страх. – Когда здесь пасли скот зимой, то даже спали с оружием. Ожидали в любой момент нападения. Сколотов все боятся.

– Ерунда, – махнул рукой аорс. – Сколоты – такие же люди, как и мы.

Они проехали вдоль берега, высматривая брод. Откуда-то наплыл влажными ключьями низкий туман. Вдруг кони наострили уши. Послышалось тихое ржание.

– Быстро! – шепнул Фидар. – В камыши!

Но было поздно. Навстречу выехали двое всадников в чешуйчатых доспехах. На конских головах шлемы с оленьими рогами. С гиканьем всадники бросились к путникам. С другой стороны, по берегу мчались роксоланы.

– В воду! – скомандовал Фидар. – Слезай и плыви перед конем. Если он будет уставать, поднимай ему морду.

Холодная вода обожгла как огнем. Все как будто онемело, но Исмен греб из последних сил. Со всех сторон булькали стрелы, падая в воду. Над стремниной гулял ветер, налетая резкими порывами. Благодаря этому, стрелки никак не могли попасть. Беглецам повезло: на середине русла оказалась отмель. Кони доставали копытами до дна, поднимая рыжую муть. Вскоре опять попали в глубокое место. Но берег уже недалеко, хотя течение становилось сильным. Конь Исмена начинал храпеть. Его движения становились слабее.

– Давай, Цыр! Давай! – подбадривал его мальчик, сам уже не чувствовал ни рук, ни ног.

Сил совсем не осталось. Намокшая одежда тянула вниз. Его удерживал на поверхности только деревянный щит, закинутый за спину. А сам он наглотался воды и потерял последние остатки воли. Исмен совсем перестал бороться, когда конь сильным рывком выдернул его на крутой берег.

Фидар уже взобрался по откосу и оглянулся.

– Выплыл?

– Да, – прохрипел Исмен, еле разжимая посиневшие губы.

– Тогда готовь стрелы. За нами следом роксоланы кинулись. Чудаки. Неужели так торопятся умереть.

Наконец Исмен вскарабкался на откос. Копье он потерял. Течением унесло. Акинак на месте, надежно пристегнут к поясу. Исмен вылил из горита воду. Оперенье на стрелах намокло и разлохматилось. Этот берег возвышался над рекой, обрываясь в воду крутым склоном. Человек десять роксоланов пытались переправиться через реку. Плыли рядом со своими конями. Уже подбирались к отмели. Языги не последовали за ними. Тяжелые доспехи их утянули бы на дно. Они остались на берегу и наблюдали.

Исмен с Фидаром выпустили по стреле. От усталости и холода пальцы не слушались. В преследователей не попали, но напугали. Роксоланы постояли немного на отмели и поплыли назад.

– Трусливые шакалы, – громко засмеялся Фидар.

Языги повернули коней и двинулись вверх по течению.

– Куда они? – удивился Фидар.

– К переправе, – объяснил Исмен. – Есть мелкое место, где торговцы переходят реку. Но ты не беспокойся, они только к полудню туда попадут. А мы в это время уже далеко будем.

Вдруг с того берега раздался отчаянный вой, переходивший в жалобный лай.

– Репейник! – встрепнулся Исмен.

Пес метался в камышах, высоко подпрыгивал, подбегал к воде, вновь взбирался на берег.

– Репейник, я здесь! – крикнул Исмен.

Пес бухнулся в воду и поплыл на зов хозяина. На поверхности виднелась только его серая лохматая голова.

Исмен бросился вниз.

– Куда ты? – испугался Фидар. – Потонешь.

Но мальчик уже барахтался в воде, спеша на помощь другу. За спиной заржал конь, громко, призывно.

– Эй! Эй! – кричал Фидар.

Что-то тяжелое плюхнулось в воду, поднимая тучу брызг. Исмен оглянулся. Цырда плыл следом. Они все втроем встретились на отмели. Конь смог достать ногами дна. Замер, тяжело дыша. Исмен одной рукой схватился за его широкую гладкую шею, другой удерживал барахтающегося Репейника. Сил плыть обратно совсем не осталось. От холодной воды ноги начинала скручивать судорога. Фидар громко закричал с берега, размахивал руками, показывая куда-то. Исмен обернулся. Его заметили роксоланы и вновь спешили к воде.

Нет, лучше утонуть, чем попасть к ним в руки, – решил Исмен. После всего, что он натворил, особенно за разграбление могильника, его ждет страшная смерть через пытки.

Он подтолкнул коня, и они втроем вновь поплыли. По щиту на спине стукнула стрела. Только бы в Цырда не попали, – отчаянно молился Исмен. Еще одна оцарапала плечо, едва Репейника не задела.

До берега чуть-чуть! Все! Воля угасала, как последний уголек в затухающем костре. Туман застилал глаза. Кто-то пел ласково и нудно над самым ухом. Чудная песня без слов, словно мать склонилась над колыбелью и убаюкивает малыша. Становилось легко и хорошо. Где он? Лежит на облаке? Какое чудесное состояние!

Сильный рывок! Холод. Фидар тащил его на берег. Больно хлопнул широкой ладонью по щеке.

– Очнулся?

Сильно надавил на грудь. Легкие чуть не разорвались. Из рта, из носа, даже, казалось, из ушей хлынула вода. Кашель душил. Исмен не сразу понял, кто перед ним, и что он говорит. Но через мгновение сознание вернулось. Фидар поставил его на ноги. Исмен едва опять не упал. Икры скрутило судорогой.

– Отогреться где-то надо. – Фидар на руках его поднял по откос и усадил на Цырда. – Поищем жилье. Чувствую, дымом тянет. Где-то становище. – Ну, отошел? Чуть за пса блохастого жизнь не отдал.

– Я не мог его бросить, – оправдывался Исмен, дрожа всем телом, щелкая зубами.

– Понимаю...

– Где он? – спохватился Исмен, не увидев рядом Репейника.

– Здесь.

Пес стоял у самого края откоса. Мокрая шерсть свисала с боков. Стекали струйки воды. Хвост намок и стал похож на тонкую загнутую палку. Он тоскливо глядел на противоположный берег.

– Репейник, – окликнул его Исмен.

В ответ пес жалобно завыл, задрал кверху морду.

– Что с ним? – удивился Фидар.

– Прощается со степью. Мы родились на той стороне. Там могилы наших предков. Там осталась часть нас самих. Мы больше не вернемся.

– Что делать, – сочувственно потрепал его по плечу аорс. – Человек своей судьбой не управляет.

– Репейник, – позвал его еще раз Исмен.

Пес взвыл еще громче и жалобней.

– Догонит, – решил Фидар. – Поплачет, успокоится и догонит.

Они тронулись.

– А конь каков! – вдруг оживился Фидар. – Такого я еще не видел. Кинулся за тобой в воду. Чем ты его околдовал? Знаешь заговор? Поделись. Или это – клановая тайна?

– Не знаю я никакого заговора, – пожал плечами Исмен. – Просто, он ко мне привязался, и я его полюбил.

– Удивительно, – усмехнулся аорс. – Много видел коней: у персов, у эллинов, у кочевников... Но чтобы такого преданного... Да ты же его недавно приручил. Неужели – такое возможно.

– Фидар, – серьезно сказал Исмен, стараясь унять дрожь. – Подари мне коня. Понимаю, что он очень дорогой. На него можно девять коров выменять – не меньше, или хорошую кибитку с войлочным верхом... Я тебе потом отплачу.

– Нет, – твердо ответил Фидар. – Конь мой.

Исмен помрачнел. А аорс объяснил:

– Я не жадный. Пойми сам: мальчишка, один, в чужой земле, да еще на таком дорогом коне. Любой встречный захочет отнять.

– У меня оружие, – напомнил ему Исмен, щелкнув мечом Скопаса.

– Оружием еще надо уметь пользоваться, – остудил его Фидар. – По эту сторону Дона знаешь, как? Сначала голову снесут, а потом уж будут разбираться: какого ты племени, и что тебе надо.

Дорога вторая За Доном

Курган киммерийцев

Они ехали на запах дыма голодные, уставшие, продрогшие до костей. Этот противный горьковатый запах горевшего хвороста, коровьего помета и костей животных сулил отдых, тепло и пищу. Кони тоже устали, шли вяло, то и дело останавливались, упрямылись и недовольно фыркали, скалили зубы, когда их понукали.

Из последних сил преодолели небольшую возвышенность. Перед путниками открылась все та же бескрайняя степь: зелено-желтая равнина – глазу не за что зацепиться. Где-то далеко ее край смыкался с небом ровной полосой.

Обогнув холм, увидели в двух полетах стрелы несколько кособоких кибиток с войлочным верхом. Рядом паслось стадо низкорослых лошадок и с десятков рыжих коров. К путникам бросились с лаем две большие лохматые собаки. Репейник бесстрашно кинулся навстречу и подмял под себя самого злого пса. Второй, помоложе и трусливей, не решался ввязываться в драку, а только прыгал вокруг, и лаял.

– Репейник, оставь его, – крикнул Исмен.

Псы разошлись, все еще огрызаясь.

Становище зашевелилось. Человек десять мужчин с копьями преградили дорогу. Кочевники приземистые, коренастые, в длинных кожаных куртках. На головах островерхие шапки из овчины, шерстью внутрь. На ногах высокая мягкая обувь. Голенища перетянуты крест-накрест тонкими ремешками. Из кибиток выглядывали женщины. В руках они держали луки.

– Сколоты? – с едва скрываемым страхом спросил Исмен.

– Они, – спокойно кивнул Фидар. – Да ты не бойся. Видишь, обыкновенные кочевники. – Развел в сторону руки с открытыми ладонями и громко крикнул: – Мы с миром!

Один из кочевников, крепкий старик с косматыми седыми бровями и такой же белесой бородой вышел вперед. Оглядел путников с ног до головы. Особенно внимательно зацепился взглядом за дорогое оружие. На его суровом обветренном лице отразилось сомнение: сразу и не понять – что за люди. Если по одежде судить – голь восьминогая. А кони породистые, дорогие. Оружие – не у каждого ксая такое имеется.

– Коль с миром, то располагайтесь у костра, – наконец пригласил он путников.

Мужчины сразу же разошлись, выполнять свои повседневные дела. Мальчишки, выскочив из кибиток, приняли у путников коней и отвели пастись в поле. Фидар и Исмен устало опустили перед жарким костром. В огне не дрова горели, а кости. В центре лежали камни. На камнях покоился желудок барана, внутри которого томилось мясо.

Старик присел рядом. Его острые глаза еще раз пристально оглядели путников. Низкорослая пухлая женщина подала глиняные миски с вареным мясом и кувшин кислого кобыльего молока. Старик неотрывно наблюдал, как путники жадно ели, но не мешал. Как только с едой покончили, он спросил:

– Еще?

– Нет. Да воздаст тебе Папай за гостеприимство, – поблагодарил его Фидар.

– Не пойму: ты ксай? – решился спросить старик. – Одежда на тебе совсем плохенькая, а оружие – что у главы рода.

– Так получилось, – попытался вывернуться Фидар. – Не здешние мы. Путь долгий проделали. С того берега Дона идем. Да мы никого не грабили, Савром клянусь!

Услышав клятву Савром, старик успокоился. Никто не посмеет во лжи упоминать имя грозного бога воинов.

– Куда же направляетесь, добрые люди?

– К седому отцу-Эльбусу, – ответил Фидар.

– Далеко! – понимающе кивнул старик, теребя седую бороду.

– У подножья пяти гор есть долина с тремя реками, там мой дом.

– А я думал, вы в Персию собрались.

– Почему, в Персию? – удивился Фидар.

– Так сейчас все воины в Персию потянулись.

– Вот как! – глаза Фидара на миг вспыхнули. – Служил я в Персии. Платят там хорошо.

– Говорят, нынче кшатра³⁶ Дараявуш³⁷ набирает вольников. Не скупится на содержание.

Вот, многие кочевники и засобирались в дорогу. Я подумал, и вы туда же.

– Возможно, и до Персии доедем, – согласился Фидар. – Но надо сначала домой заглянуть. Давненько я мать не видел, с отцом не говорил, с братьями не пирировал.

– Правильно! – согласился старик. – Отца надо уважать.

– Да еще у меня там невеста живет. Девушка, краше которой нет на свете. Она стройная, что горная козочка, а голос у нее, как журчанье ручейка. Личико круглое и белое, что луна в ясном небе.

– Тогда, тем более тебе надо домой спешить. Нельзя заставлять сердце красавицы страдать.

Немного отдохнув и обсохнув, путники заплатили старику пять стрел за гостеприимство, и отправились дальше.

– Почему мы не остались в становище на ночь? – недовольно спросил Исмен. Он измотался вконец. Его клонило в сон, а все тело ломило, словно долго били палками.

– Не забывай, что нас еще могут языги преследовать, – напомнил Фидар. – В открытой степи они нас вряд ли сыщут, а если найдут в становище, то всех перережут, и пастухов не пожалеют. Зачем мирных людей обрекать на беды? Потерпи немного. Сейчас найдем укромную ложбинку и отдохнем.

Несколько дней ехали по степи. Останавливались на ночевках возле ручейков или небольших речушек. Чтобы добыть пищу – охотились. Дичи кругом предостаточно: олени, зайцы, дикие козы, кабаны. В камышах по берегам рек водились птицы. Перелетные стаи, как и положено весной, потянулись на север. Репейник легко находил добычу и вел охотников по следу.

Изредка попадались становища кочевников: кибитки, шатры, тучные стада. Пару раз набредали на небольшие селения земледельцев с низкими глинобитными домиками. Народности разные, но преимущественно – меоты. Реже встречались кочевники-сколоты. Путников везде принимали радушно: кормили, поили, предоставляли ночлег. Беглецы так же не оставались в долгу: помогали управиться со скотом, перегоняя стада со скудных пастбищ на новые. Участвовали в охоте, прогоняя волков, медведей.

Исмен все удивлялся. Ему раньше рассказывали, что за Доном живут жестокие дикари, которые пьют человеческую кровь и даже не брезгают человечинной. На самом деле оказалось все иначе: сколоты и меоты – такие же простые кочевники и земледельцы. Молятся тем же богам. И язык у них похожий. Даже одежда, как и у него, из конопляной дерюги или из кожи. Не едят они человечину. Молоко всегда сквашенное есть и сыр соленый. И к чужеземным

³⁶ *Киатра – правитель*

³⁷ *Дарий III (др.-перс. Дараявиш, что означает «Доброцарный») – персидский царь, правил в 336 – 330 годах до н. э. Представитель боковой линии Ахеменидского рода, его отец Арсам был сыном Остана, сына Дария II. До вступления на престол занимал пост сатрапа Армении и носил имя Кодоман (Кодоманна). Был посажен на престол придворной знатью в 45-летнем возрасте и принял тронное имя Дарий III*

путникам относятся дружелюбно: не бросаются с ножами, чтобы горло тут же перерезать. Если видят, что ты с миром, всегда накормят, помогут, позволят выспаться в уютной кибитке, еще в дорогу припасов дадут. И за конем твоим присмотрят: ноги ему смажут, струпья промоют, зерна не пожалеют.

Как-то вечером попали в поселение меотов. Внимание путников привлек одинокий курган, возвышался среди ровных лугов.

– Наверное, могильник, – предположил Исмен. – Только очень большой.

– Да в таком кургане не одну сотню человек можно схоронить, – согласился Фидар. – Странный холм. Но видно, что люди его насыпали.

Сделав большой крюк, чтобы не топтать возделанные поля, путники остановились возле крайнего покосившегося домика. Строение было сооружено из плетеных прутьев и обмазано глиной. Островестью крышу устилала почерневшая от времени солома. Перед домом на плоском камне сидел древний старик в безрукавке из овечьей шкуры. На ногах мягкая войлочная обувь.

– Пусть мать Табити дарует тебе здоровье и спокойные дни, – поздоровался Фидар.

– Савр, да придаст тебе силы, – ответил старец скрипучим голосом. – Слезайте с коней и отдохните. Сейчас старуха моя вас накормит сыром с лепешками.

Лепешки оказались вкусные и нежные. Путники обмакивали хлеб в миску со свежей сметаной и отправляли в рот. Белый овечий сыр запивали свежим подсоленным молоком.

– Скажи, отец, а что это за холм посреди степи? – поинтересовался Фидар.

– Каждый ксай в наших краях знает этот курган, – сердито насупил седые брови старик. – На его вершине находится жертвенник Савру.

– Прости, отец, я впервые в этой степи, – оправдывался Фидар.

– Пойдемте, я вас отведу на вершину. Если вы настоящие воины, то обязаны помолиться перед жертвенником.

Старик, опираясь на кривой сучковатый посох, повел их по узкой тропке. Вершина оказалась пологой. Отсюда открывался вид на зеленые бескрайние просторы. Посередине находилась гранитная глыба, основанием вросшая в землю. Поверхность у глыбы была плоская. В центре вырезан круг. В кругу крест с загнутыми лучами против солнцеворота.

Фидар, а за ним Исмен, вынули акинаки и воткнули в землю перед священным камнем. Прочитали молитву.

– Кто же насыпал этот курган? И кто нашел покой в его недрах? – спросил Фидар, закончив обращение к богу.

– Садитесь, – предложил старик. – Я расскажу вам историю этого могильника.

Фидар с Исменом опустились напротив старика, прямо возле алтаря и приготовились слушать.

– Этой землей раньше владели киммеры – трудолюбивый и бесстрашный народ. Были у них земледельцы, как мы – меоты, были кочевники, были и ксаи. Они мирно пасли скот, возделывали поля, иногда собирались в отряды и делали набеги на чужие земли. Но однажды пришла весть, что многочисленные племена скотов иду́т с севера и с востока. В прежних землях скотам стало тесно, и они двинулись на поиски новых пастбищ. Собрались вожди киммеров и стали держать совет. Ксаи предлагали стать грудью на защиту своей земли, погибнуть, но не пустить скотов. Но вожди кочевников были против. Они говорили: «Сойдемся мы со скотами, перебьем друг друга, а кто после защитит наших женщин и детей, наши стада? Узнают другие племена, что мы ослабли в войне, придут и присвоят все себе. Не лучше ли оставить эту степь скотам и уйти на юг. Там тоже есть просторные степи, там теплее. Племена, что обитают в южных краях слабые, сопротивляться не будут. А скоты пусть пасут скот на наших бывших пастбищах. Даже сытый лев оставляет добычу голодным шакалам». Но ксаи упрекали их: «А как же наши традиции: хранить верность земле? А могилы наших

предков? Вы готовы все это бросить?» «Лучше сохранить род и уйти на южные пастбища, чем с геройством погибнуть и не оставить потомков», – отвечали простые кочевники. Собрались киммеры и ушли на юг, гоня свои бесчисленные стада. Немного осталось ксаев. Что делать им? Раньше они защищали эту степь, людей, что в ней жили. А теперь кого им защищать? Да и кто их кормить будет? Самые смелые предлагали идти навстречу сколотам и сразиться. Но старший ксай по имени Уыг рассудил: «Зачем мы будем проливать чужую кровь за пустую степь. Киммеры ушли. Так пусть сколоты приходят и пользуются ей». «А нам как быть?» – вопрошали ксаи. «Мы принесем себя в жертву Богу Савру, – решил Уыг. – Коль не нужны мы ему на земле, пусть берет нас к себе в небесное войско». На том и порешили. Вот, прямо на этом месте они разделились на два отряда и кинулись в бой, убивая друг друга. Когда пришли сколоты, то нашли всех мертвыми. Один лишь Уыг еще дышал. Он и поведал эту историю, а вскоре и сам отошел в небесное войско. Так, как погибшие ксаи стали теперь святыми воинами Савра, сколоты похоронили их со всеми почестями и насыпали этот курган.

– Интересная история, – задумчиво произнес Фидар. – Неужели все так и произошло?

– Не сомневайся, – заверил его старик. – Мой дед собственноручно хоронил этих киммеров и насыпал курган. И этот камень, из которого сделали алтарь, он с братьями нашел, когда копал могилы для воинов.

Спитамен

Однажды утром, как обычно Исмен и Фидар закрепили чепраки на спинах коней, проверили оружие, напоили скакунов перед долгим переходом. Как вдруг Фидар уловил едва различимый противный запах паленой шерсти.

– Ты чуешь? – спросил он.

Исмен принюхался.

– Кости жгут или шерсть. Кочевье рядом.

– Нет, это не дым кочевья, – забеспокоился аорс. – Жгут оленью шерсть с дурмящими травами. Мне хорошо знаком этот запах. Так языги совершают жертвоприношение богу Савру. – Он запрыгнул на коня, тревожно и внимательно окинул взглядом степь. – Никого не вижу. Откуда ветер?

– С севера, – сообразил Исмен.

– Значит, и запах с севера. Языги идут по нашему следу.

Они гнали коней, совершив по степи огромный круг. К полудню вышли к месту своего ночлега. На небольшой полянке возле их ночного кострища остались четкие следы копыт чужих коней. Фидар спешил и внимательно осмотрел отпечатки.

– Тяжелые всадники, – сделал он вывод. – Но их всего двое.

– Еще пятеро и две вьючные лошади, – поправил Исмен, указывая на другие следы чуть поодаль. Подобрал оброненную стрелу. – Роксоланы.

Фидар осмотрел оперенье, затем нагнулся над следами. Призадумался.

– Их семеро, а может и больше. Нам с семерыми не справиться. Да еще двое из них при полном вооружении, возможно – языги. Они так и будут по нашему следу идти, пока не настигнут.

– Что будем делать?

– Как не противно мне это говорить, но придется удирать. В степи от них не скрыться. Нужно дотянуть до гор. В горах затеряться проще. Да и языги – равнинные всадники, – в горы не сунутся.

Два дня пытались запутать след, меняя направление, кружили на месте. Становища обходили стороной. На ночлег останавливались поздно, поднимались до восхода и вновь пускались в путь. Но, не смотря на все хитрости, каждое утро их подгонял противный запах паленой оленьей шерсти.

На рассвете третьего дня увидели впереди множество шатров из белого войлока.

– Это не становище кочевников. Нигде не видно кибиток, – удивился Исмен.

Фидар долго всматривался, недоуменно пожал плечами:

– Похоже на военный лагерь персов. Шатры ровными рядами. В центре самый большой – военачальника. Только откуда им тут взяться?

– Объедем стороной? – предложил Исмен.

– Объедем, – согласился Фидар и первым стал поворачивать коня, но вдруг замер. – Постой. Ты видишь перед шатрами длинные шесты?

– Вижу.

– На них лошадиные черепа и синие ленты?

– Похоже на то.

– Массагеты! – пришел в удивление Фидар.

– Что это за народ?

– Южные кочевники. Живут далеко отсюда, по ту сторону Кавказских гор. Точно, это они. Но что привело их сюда?

Фидар решительно направил коня к лагерю.

Подъехав ближе, они увидели множество мужчин. Одни сидели вокруг костров и хрипылыми голосами распевали песни, иные беседовали, громко спорили. Где-то даже затеяли борьбу. Вокруг собрались зеваки и подбадривали полунагих, потных борцов. Одни щеголяли в пестром иноземном одеянии, посверкивая перстнями, поглаживая богато украшенные рукояти мечей и кинжалов. Другие – в грубой кожаной одежде кочевников с горитами за спиной.

На путников никто не обратил внимание. Они проехали к центру лагеря, спешили и передали коней круглолицему конюху в персидской тонкой одежде.

– Ты из какого племени? – спросил у него Фидар.

– Я согд³⁸.

– А кому служишь?

– Своему господину, – прозвучал уклончивый ответ.

– Что здесь происходит? – спросил Фидар у одного из воинов, по всей видимости, из местных сколотов.

– Массагеты, – ответил он, поправляя на голове островерхую кожаную шапку. – Нанимают воинов в персидскую армию.

– А где главный?

– Так вон он, возле самого большого шатра стоит. С золотой цепью на груди.

Фидар протиснулся сквозь толпу воинов к высокому крепкому человеку в длинной персидской одежде из дорогой шерстяной ткани. Лицо слегка вытянутое, с черными живыми глазами. Густые брови нависали ровными щеточками. Под большим горбатым носом топорщились жесткие черные усы. Борода выкрашена темной охрой и аккуратно завита. Из-под круглой невысокой шапочки, падали кудри до самых плеч. Широкий кожаный пояс, с подвешенными золотыми фигурками лошадок, стягивал белую рубаху с широченными рукавами. По краю шел узор, вышитый золотыми и пурпурными нитями. Дорогой меч висел справа на поясе. Ножны сплошь покрывала тонкая чеканка. Рукоять в виде сокола со сложенными крыльями. Глаза сокола сверкали рубинами.

– Посмотрите на меня, – говорил он собравшимся вокруг него коренастым сколотам. – Я был бедным пастухом. Порой у меня даже обуви не было. Отец мой надрывался, братья с восхода и до заката пасли чужой скот, а на ужин – только сыр да молочная сыворотка. Но я пошел служить в персидскую армию. Теперь – я богат. Братья мои разъезжают на дорогих конях и пьют из золотых кубков. Отец встретил достойную старость в белом шатре, в окружении заботливых слуг.

– Да! – сказал Фидар. – Ну и рожу ты себе отожрал. – А помню, когда начинал служить всадником у персов, шея была тонкая, что бычий хвост.

Оратор метнул недобрый взгляд в сторону аорса, но вдруг его грозное бородатое лицо засияло радостью и удивлением:

– О, Великая мать Табити! Фидар! – воскликнул он. – Ты ли это, друг? Да откуда же?

Он бросился к аорсу, раскрыв объятия. Воины обнялись так крепко, что кости затрещали. Перс схватил Фидара за руку и повел в шатер, на ходу всем объясняя:

– Это мой товарищ. Мы вместе с ним в таких переделках побывали... Он один из лучших воинов Персии...

В шатре царил уют и роскошь. Пол устлала пестрые шерстяные ковры. Кругом лежали пухлые подушки с затейливой вышивкой. Низенькие столики на точеных ножках ломились от яств в золотой посуде.

³⁸ Согды – Народ, населявший территорию Согдианы, расположенной в долине реки Зерафшан – от современной Бухары (Узбекистан) до Худжанда (Таджикистан).

– Садись! Садись вот сюда, – тянул Фидара за руку перс. Крикнул слуге: – Вина подай неразбавленного, да в золотых кубках. – Вновь обратил радостный взор к аорсу. – Сколько же мы с тобой не виделись, брат!

– погоди братом меня называть, Спитамен³⁹, – остудил его Фидар.

– Обидные слова говоришь, – насутился хозяин. – Чем я тебя так прогневал?

– Ничем, – ответил Фидар, принимая из рук слуги золотой кубок в виде головы барана.

– Почему холод в речах твоих? А в глазах не вижу радости при встрече с тем, с кем бился плечом к плечу, – не мог понять воин в дорогой персидской одежде.

– Помню: воевали мы вместе, – согласился Фидар. – Да только в последней битве на разных сторонах оказались. Ты отстаивал подлеца – Багойя, а я защищал законного наследника Персии, Арса.

– Ты странно рассуждаешь, – глухо сказал Спитамен, потупив взор. – Как будто мы из касты всадников Персеполя⁴⁰. Мы с тобой были всего лишь – наемники. Защищали чужую землю, чужие интересы... Пока идет война – наемники в почете, но в мирное время к ним относятся хуже, чем к собакам. Не моя вина, что в тот роковой день ты оказался в одном отряде, а я в другом.

Фидар ничего не ответил. Пригубил из кубка.

– Хорошее вино, – оценил он. – И как здоровье всеславного Багойя?

– Никак, – Спитамен сделал большой глоток. – Помер он в страшных мучениях.

– Обрадовал ты меня, – оживился Фидар. – И что же с ним приключилось?

– Отравили его, как и он отравил кшатра Оха⁴¹ и его сыновей. Собака сдохла собачьей смертью.

– Кто же оказался тем благородным смельчаком?

– Дараявуш его сам и отравил. Багой думал, что посадил на трон кроткого ягненка, а у того оказались змеиные зубы.

– Вот как? – Фидар окинул взглядом Спитамена и усмехнулся. – Ну и одежонка у тебя, как у сатрапа⁴². Только бороду сколько не крась, рожа-то – массагета.

– Мир? – расплылся в улыбке грозный Спитамен.

– Конечно, брат.

Они поменялись кубками и выпили их до дна.

– Где судьба тебя носила? – поинтересовался массагет. – Что за наряд на тебе? Рваньё какое-то. А меч славный. Пахнешь ты, как будто в навозе извальялся.

– Разве не знаешь, что сделали с теми, кто посмел встать на защиту наследника Арса?

– Слышал что-то, – пожал плечами Спитамен. – Меня, когда мы штурмовали дворец наследника, по голове шарахнули так, что я две недели без памяти провалялся. Еле отошел. Потом месяц встать не мог. До сих пор голова иногда раскалывается от боли.

³⁹ Спитамен был представителем согдийской аристократии, которая находилась на службе у Ахеменидов.

⁴⁰ Персепо́ль – древнеперсидский город, возникший в VI—V вв. до н. э., столица огромной империи Ахеменидов. Находится на расстоянии 50 км к северо-востоку от Шираза, примерно в 900 км к югу от Тегерана

⁴¹ Артаксеркс III (др.-перс. Артахшасса, что означает «Владеющий праведным царством») – персидский царь, правил в 359 – 338 годах до н. э., из династии Ахеменидов. Младший сын Артаксеркса II и царицы Статирь. До вступления на престол носил имя Ох. Заняв трон, Артаксеркс приказал истребить всех своих ближайших родственников, чтобы предотвратить в будущем всякие заговоры. Лишь в один день было убито 80 его братьев. Артаксеркс был человеком железной воли и крепко держал в руках бразды правления. Он энергично взялся за восстановление Ахеменидской державы.

⁴² Сатрап – глава сатрапии, правитель в Древней Персии. Назначался царём и обычно принадлежал к его родне или высшей знати. На своей территории ведал сбором налогов, содержанием армии, был верховным судьёй и имел право чеканить монету. Деление Персии на сатрапии введено при династии Ахеменидов (558-330 до н. э.). Дарий I, создавший огромную империю, упорядочил эту систему. Его 20 сатрапий примерно соответствовали покорённым странам, сохранявшим свои законы и язык, но платившим подать центру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.